

Дело «Пентикяйнен (Pentikäinen) против Финляндии»¹

(Жалоба № 11882/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 20 октября 2015 г.

По делу «Пентикяйнен против Финляндии» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Дина Шпильманна, *Председателя Большой Палаты*,

Гвидо Раймонди,
Марка Виллигера,
Боштьяна М. Зупанчича,
Ханлара Гаджиева,
Пяиви Хирвеля,
Кристины Пардалос,
Ангелики Нуссбергер,
Линос-Александра Сисилианоса,
Андре Потоцкого,
Пауля Лемменса,
Алеша Пейхала,
Йоханнеса Силвиса,
Дмитрия Дедова,
Эгидиуса Куриса,
Роберта Спано,

Юлии Антоанеллы Моток, *судей*,
а также при участии Лоренса Эрли, *юрисконсульта*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 17 декабря 2014 г. и 3 сентября 2015 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 11882/10, поданной против Финляндской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Финляндии Маркусом Вейкко Пентикяйненом

(Markus Veikko Pentikäinen) (далее – заявитель) 19 февраля 2010 г.

2. Интересы заявителя представлял Юсси Салокангас (Jussi Salokangas), адвокат, практикующий в г. Хельсинки. Власти Финляндии были представлены их агентом Арто Косоненом (Arto Kosonen), сотрудником Министерства иностранных дел.

3. Заявитель утверждал, что имело место вмешательство в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное статьей 10 Конвенции, так как сотрудники полиции приказали ему покинуть место демонстрации, он не имел возможности во время содержания под стражей, которое продолжалось 17,5 часов, передать информацию, а также поскольку он подозревался, а затем был обвинен и осужден за преступление, что оказало «сдерживающий эффект» на его права и работу.

4. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 4 февраля 2014 г. Палата в составе следующих судей: Инеты Зиемеле, Председателя, Пяиви Хирвеля, Георга Николау, Леди Бианку, Винсента А. де Гаэтано, Пола Махони, Фариса Вехабовича, судей, а также Франсуазы Эленс-Пасос, Секретаря Секции Суда, – вынесла постановление. Палата суда единогласно объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и постановила пятью голосами «за» и двумя – «против», что по делу не были нарушены требования статьи 10 Конвенции. К постановлению прилагалось совместное несовпадающее особое мнение судей Георга Николау и Винсента А. де Гаэтано. 30 апреля 2014 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты в соответствии со статьей 43 Конвенции, и комитет Большой Палаты удовлетворил ходатайство 2 июня 2014 г.

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. Во время заключительного совещания суда Марк Виллингер продолжал заседать в составе суда после истечения срока полномочий, но Изабель Берро была заменена Паулем Лемменсом, запасным судьей (пункт 3 статьи 23 Конвенции и пункт 4 правила 24 Регламента Суда). Судьи Йозеп Касадеваль и Элизабет Штайнер не могли участвовать в заключительном совещании суда и были заменены Ханларом Гаджиевым и Ангеликой Нуссбергер, запасными судьями.

6. Заявитель и власти Финляндии подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда) по существу жалобы.

7. 15 декабря 2014 г. Большая Палата Европейского Суда посмотрела материал на DVD, представленный сторонами.

8. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 17 декабря 2014 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 20 октября 2015 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

В Европейский Суд явились:

(а) от властей Финляндии:

А. Косонен, директор, Министерство иностранных дел, агент, С. Хейкинхеймо (*S. Heikinheimo*), директор полиции, Министерство внутренних дел,

Т. Маюри (*T. Majuri*), старший советник Министерства юстиции,

М. Споландер (*M. Spolander*), сотрудник по правовым вопросам Министерства иностранных дел,

П. Котиахо (*P. Kotiaho*), сотрудник по правовым вопросам Министерства иностранных дел, *советники*;

(b) от заявителя:

Ю. Салокангас,

В. Матилайнен (*V. Matilainen*), адвокат.

Заявитель также присутствовал на заседании.

Европейский Суд заслушал выступления Косонена, Салокангаса и Матилайнена, а также их ответы и ответы Маюри и Пентикяйнена на вопросы, поставленные судьями Хирвеля, Потоцким, Силвисом, Моток, Сисилианосом, Спано, Курисом и Дедовым.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель родился в 1980 году и проживает в г. Хельсинки.

10. Заявитель является фотографом и журналистом, работающим в еженедельном журнале «Суомен кувалехти» (*Suomen Kuvalehti*). 9 сентября 2006 г. он был направлен работодателем для фотосъемки демонстрации, которая проводилась в знак протеста против продолжающегося форума «Азия – Европа» (далее – ASEM) в г. Хельсинки. Демонстрация была исключительно масштабной для Финляндии, и все средства массовой информации подробно ее освещали. Заявитель должен был подготовить большой репортаж о демонстрации для бумажной версии журнала, а также опубликовать его онлайн непосредственно после завершения демонстрации.

11. Следующее описание обстоятельств дела основано на объяснениях сторон, включая материал на DVD, освещающий мероприятие «Бей ASEM» (см. § 7 настоящего Постановления), а также на приговоре окружного суда г. Хельсинки (см. § 37 настоящего Постановления).

A. ДЕМОНСТРАЦИЯ «БЕЙ ASEM»

12. 30 августа 2006 г., до того, как началась демонстрация, служба безопасности и разведки Финляндии осуществила оценку уровней риска, присущего предстоящей демонстрации «Бей ASEM», и предупредила Управление полиции г. Хельсинки о том, что демонстрация будет иметь

агрессивный характер и не будет направлена на выражение какого-либо ясного политического посыла. На тот момент управление полиции не смогло, несмотря на все усилия, установить контакт с организаторами демонстрации. Полиция в своих последующих действиях исходила, в частности, из этих оснований.

13. Аналогичная оценка риска также была сделана в контексте двух предыдущих демонстраций, которые произошли в г. Хельсинки в том же году, обе из которых приобрели насильственный характер. Первая демонстрация представляла собой «Европервомай» (*EuroMayDay*) 30 апреля 2006 г., когда шествие, которое насчитывало примерно 1 500 человек, переросло в беспорядки с бросанием предметов и повреждением имущества. Впоследствии окружной суд г. Хельсинки признал восемь человек виновными в насильственных беспорядках и сопротивлении полиции с применением насилия и применил к ним наказание в виде лишения свободы условно. Аналогичный инцидент имел место во время «Ночи искусств» (*Night of Arts*) в г. Хельсинки 24 августа 2006 г., которая также закончилась уничтожением имущества и насилием и повлекла задержание 56 человек.

14. 8 сентября 2006 г. так называемая коалиция Дунчжоу уведомила полицию о демонстрации «Бей ASEM». Согласно докладу заместителя парламентского омбудсмена (см. § 34 настоящего Постановления) полиция не располагала информацией о коалиции Дунчжоу, поэтому ей было неясно, кто в действительности являлся организатором акции. Из общедоступных источников следует, что названная «коалиция» являлась неформальной группой, открытой для каждого, кто соглашался с идеей, которая отстаивалась на демонстрации «Бей ASEM», и кто обязался не проносить эмблемы партий на место демонстрации.

15. Демонстранты объявили, что они планировали устроить шествие 9 сентября 2006 г., с 17.45 до 21.00, от музея современного искусства «Киасма» (*Kiasma*), зоны интенсивного дорожного движения, до Выставочного и конференц-центра г. Хельсинки, где должен был проводиться саммит ASEM, расстояние между которыми составляло 4,9 километра. Заявленный маршрут шествия был следующим: проспект Маннергейма–улица Кайвокату–улица Сильтасааренкату–улица Агриколанкату–улица Каарленкату–улица Хельсингинкату–улица Лянтинен Брахенкату–улица Стуренкату–улица Алексис Кивенкату–улица Ратапихантие–улица Асемапялликёнкату–улица Ратаместаринкату–улица Раутатиеляйстенкату, – и заканчивался в парке рядом с велодромом, который находится рядом с местом проведения саммита. Темой демонстрации было выражение протеста против саммита ASEM, при этом некоторое внимание уделялось проблемам прав человека. На плакатах, призывающих людей участвовать в демон-

страции, демонстрантам предлагалось надеть черную одежду. На плакатах также был изображен демонстрант, бросающий коктейль Молотова, и они призывали потенциальных участников, *inter alia*¹, «внести хотя бы немного беспорядка также на улицы г. Хельсинки» («*tuoda edes hieman sekasortoa myös Helsingin kaduille*», *att få även en liten bit av kaos också på gatorna i Helsingfors*).

16. Власти Финляндии утверждали, что полиция смогла связаться по телефону с одним из организаторов, указанным в качестве контактного лица мероприятия. Однако этот человек, действующий от имени организаторов, отказался обсуждать вопросы, касающиеся, *inter alia*, условий, на которых демонстранты смогут шествовать от места мероприятия к выставочному центру, где должен был проводиться саммит ASEM. Данный отказ касался также попыток полиции установить контакт с организаторами в самом месте проведения мероприятия.

17. Власти Финляндии отмечали, что имелась отдельная зона, отведенная полицией для представителей средств массовой информации, освещающих мероприятие. Она была расположена на площади Паасикиви, напротив музея современного искусства «Киасма», на другой стороне проспекта Маннергейма. Полиция в рамках стандартной процедуры уведомила основные средства массовой информации Финляндии о мероприятии «Бей ASEM» и сообщила контактные данные отдела полиции по связям с общественностью, который был готов обсудить любые вопросы средств массовой информации относительно освещения мероприятия, включая сведения о зоне, отведенной для удобства средств массовой информации. Кроме того, отдел по связям с общественностью Хельсинкской окружной полиции выделил старшего сотрудника для присутствия в той же зоне, чтобы отвечать на вопросы представителей средств массовой информации, а также давать интервью о событиях, происходящих в течение дня.

18. Демонстрация должна была начаться 9 сентября 2006 г., в 18.00. Примерно 500 прохожих, основная группа из примерно 50 демонстрантов и примерно 50 журналистов собрались в начальной точке шествия. Полиция приняла меры для обеспечения безопасности мероприятия, развернув 480 сотрудников полиции и пограничной службы. По финским стандартам, масштаб приготовлений полиции был исключительным.

19. В начале демонстрации в публику и полицию начали кидать бутылки, камни и стеклянные емкости с краской. Некоторые демонстранты нанесли удары ногами и руками сотрудникам полиции. По-видимому, около 18.05 сотрудники полиции окружили зону демонстрации. В этот момент

люди могли свободно проходить через цепь сотрудников полиции. Полиция несколько раз по громкоговорителю объявила о том, что на месте разрешена мирная демонстрация, но толпе запрещается устраивать демонстрацию в виде шествия.

20. После эскалации насилия полиция в 18.30 сочла, что мероприятие переросло в беспорядки. С 18.30 до 19.17 полиция заблокировала место событий, пытаясь сдержать беспорядки. Толпа попыталась прорваться через линию защиты полиции. Однако в этот период кордон полиции разрешал проходить семьям с детьми и представителям средств массовой информации. Проход периодически осложнялся тем, в месте выхода людей в них кидали бутылки и иные предметы.

21. Полиция объявила по громкоговорителям, что демонстрация прекращена и толпа должна разойтись. Это объявление было повторено несколько раз. Затем сотни людей добровольно разошлись через несколько выходов, указанных полицией. На выходе их просили показать документы, удостоверяющие личность, и их вещи проверялись.

22. Заявитель утверждал, что цепь сотрудников полиции, составляющих оцепление, была очень плотной и состояла из нескольких рядов. Из-за пределов оцепления было практически невозможно увидеть, что происходит внутри. Полицейские миниавтобусы и автобусы для задержанных лиц также затрудняли видимость. В 19.15 полиция начала создавать второе, более широкое оцепление и отгородила всю прилегающую зону городского центра. Было невозможно видеть с прилегающих улиц пространство у музея «Киасма».

23. Некоторые демонстранты принудительно задерживались в оцепленной зоне. Задержания осуществлялись полицией с применением метода «*paint-chain*»², который состоял, в том числе, в открытии полицейского оцепления, чтобы предоставить возможность сотрудникам, осуществляющим задержание, немедленно закрывать оцепление после того, как задержанное лицо оказывается под контролем.

24. Полиция повторно объявила, что толпа должна разойтись. Заявитель утверждал, что впервые он услышал требование полиции покинуть место проведения демонстрации в 20.30. Заявитель позвонил работодателю, и они обсудили вопрос о том, следует ли заявителю покидать зону. Заявитель отметил, что на основании, *inter alia*, этого разговора он пришел к выводу, что его присутствие внутри оцепления необходимо.

25. Заявитель утверждал, что к концу демонстрации он занял позицию между полицией и демонстрантами. Полиция продолжала приказывать

¹ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (примеч. переводчика).

² Так в оригинале Постановления. Дословно «красить-цепь». Возможно, следует читать название метода как *pent-chain*, что можно перевести как «прорыв цепи». Во французской версии настоящего Постановления название метода задержания отсутствует (примеч. переводчика).

толпе разойтись, оповещая о том, что любой, кто не уйдет, будет задержан. Около 21.00 сотрудник полиции сообщил лично заявителю, что у него остался последний шанс покинуть место событий. Заявитель сообщил сотруднику полиции, что он готовит репортаж для «Суомен кувалехти» и что он собирается оставаться на мероприятии до конца, после чего сотрудник полиции оставил его. Заявитель полагал, что полиция не будет вмешиваться в его работу после того, как он дал им это объяснение.

26. К 21.00 около 500 человек покинули место событий через пропускные пункты полиции. По словам заявителя, около 20 демонстрантов по-прежнему сидели на земле в центре первой оцепленной зоны, тесно окруженные сотрудниками полиции. Демонстранты поддерживали друг друга и держались за руки. Ситуация внутри оцепления была мирной уже в течение часа на этот момент. Затем полиция разбила группу демонстрантов и задержала протестующих.

27. Заявитель утверждал, что до того, как он был задержан, он услышал крик сотрудника полиции: «Хватай фотографа!» Заявитель стоял возле бывшего члена парламента и делал фотографии в момент задержания. Он сообщил сотруднику полиции, который осуществлял задержание, что он является журналистом, что было впоследствии подтверждено сотрудником полиции. Сотрудник полиции, который осуществлял задержание, пояснил в ходе предварительного расследования, что заявитель не сопротивлялся задержанию и попросил разрешения позвонить по телефону, и ему было разрешено это сделать. Заявитель позвонил своему коллеге по журналу, объяснив, что полиция задержала его и что он не знает, что будет дальше. Он думал, что его скоро освободят. Заявитель также сообщил сотруднику полиции, который производил задержание, что в его сумке находятся камеры, и эта информация была принята во внимание сотрудником полиции: заявителю было разрешено унести съемочное оборудование в сумке для камер. Когда сотрудник полиции, который осуществлял задержание, попросил предъявить документы, удостоверяющие личность, заявитель показал свое журналистское удостоверение. Другой сотрудник полиции, который присутствовал при задержании заявителя, сообщил в ходе предварительного расследования, что заявитель не сопротивлялся задержанию, но он не слышал, чтобы заявитель назвался журналистом. Сотрудник полиции, производивший задержание, также пояснил, что он заполнил документ о задержании, указав причины задержания заявителя и его личные данные. В соответствии с отчетом о результатах предварительного расследования основанием для задержания заявителя стало неповиновение требованиям полиции.

28. Затем заявителя посадили в автобус для задержанных лиц. В автобусе он предположительно вновь объяснил полиции, что является

фотографом журнала. Заявитель был доставлен в отделение полиции, где он попросил дать ему возможность поговорить с начальником полиции. Он предположительно вновь пояснил, что являлся журналистом, но его просьбы были проигнорированы. Он утверждал, что «вынул» свое журналистское удостоверение, после чего стал носить его на груди, чтобы его видели окружающие. Заявитель также указал, что оформлявшему его сотруднику полиции в отделении полиции пришлось изъять его журналистское удостоверение, которое он носил на шее. По утверждению заявителя, данный сотрудник полиции был осведомлен о том, что заявитель является журналистом. Находясь в камере для задержанных лиц, заявитель предположительно кричал проходившим сотрудникам полиции, что они задержали журналиста, но на него не обращали внимания.

29. Заявитель утверждал, что его съемочное оборудование и карты памяти были изъяты. Однако власти Финляндии указывали, что, как только полиция узнала, что заявитель являлся представителем прессы, его камера, карты памяти и иное оборудование были незамедлительно признаны журналистскими источниками и не изымались. Он мог сохранить фотографии, и ни на одной стадии дела ни один орган не применял в отношении него какие-либо ограничения на использование фотографий. Согласно докладу заместителя парламентского омбудсмана (см. § 34 настоящего Постановления) полиция проверяла содержимое мобильных телефонов задержанных. Однако неясно, проверялся ли мобильный телефон заявителя, и исследовались ли его карты памяти.

30. Заявитель содержался под стражей в полиции с 9 сентября, с 21.26, до 15.05 10 сентября, то есть в течение 17,5 часов. Он был допрошен полицией 10 сентября с 13.32 до 13.57.

31. Работодатель заявителя, главный редактор журнала, по-видимому, узнал о задержании заявителя и о том, что он содержался под стражей в полиции. Представляется, что он позвонил в отделение полиции, но ему не предоставили информации относительно задержания заявителя. По утверждению заявителя, только после того, как главный редактор на следующий день позвонил высокопоставленному сотруднику Министерства внутренних дел (чье имя заявитель не упоминал в своих объяснениях), были сделаны приготовления для освобождения заявителя.

32. На месте демонстрации полиция задержала в общей сложности 128 человек. Полиция освободила несовершеннолетних (16 человек) после нескольких часов задержания. Большинство задержанных были освобождены 11 сентября 2006 г. Заявитель был седьмым по счету допрошенным задержанным и шестым задержанным, освобожденным после несовершеннолетних. Последний подозреваемый был освобожден 12 сентября 2006 г., в 11.07.

В. ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

33. Как внутригосударственные, так и международные средства массовой информации широко освещали мероприятие и действия полиции. Эта тема являлась также предметом масштабного расследования заместителя парламентского омбудсмана в 2006 и 2007 годах. Однако согласно процессуальным нормам заместитель парламентского омбудсмана не мог расследовать дело заявителя, поскольку в отношении него в то время проводилось уголовное разбирательство.

34. Из доклада заместителя парламентского омбудсмана от 9 сентября 2006 г., *inter alia*, следует, что полиция не располагала какой-либо информацией о коалиции Дунчжоу и поэтому ей было неясно, кто на самом деле являлся организатором демонстрации. Также представляется, что полиция проверяла мобильные телефоны задержанных. Кроме того, заместитель парламентского омбудсмана критиковал, *inter alia*, тот факт, что имелось недостаточное количество пропускных пунктов по сравнению с количеством людей, и что трехчасовое содержание людей в оцепленной зоне было необоснованно длительным. Заместитель парламентского омбудсмана также ставил под сомнение законность досмотров.

35. 5 февраля 2007 г. полиция сообщила 37 подозреваемым о том, что в отношении них предварительное расследование было прекращено и что их дела не будут направляться прокурору для предъявления обвинения. Прокурор предъявил обвинение в общей сложности 86 лицам.

С. УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

36. 23 мая 2007 г. прокурор предъявил заявителю обвинение в неповиновении полиции (*niskoittelu poliisia vastaan, tredska mot polis*) на основании главы 16, пункта 1 статьи 4 Уголовного кодекса (*rikoslaki, strafflagen*).

37. 17 декабря 2007 г. окружной суд г. Хельсинки (*käräjäoikeus, tingsrätten*) признал заявителя виновным в неповиновении полиции на основании главы 16, пункта 1 статьи 4 Уголовного кодекса, но не применил к нему никакого наказания.

Заявитель утверждал в суде, что он услышал требование разойтись около 20.30, но решил, что оно касалось лишь демонстрантов. Суд счел установленным, что действия полиции были законными и что заявитель знал о требованиях полиции покинуть место событий, но решил проигнорировать их. Из свидетельских показаний, данных в суде, следует, что заявитель не сказал и не объяснил сотруднику полиции, стоящему рядом в момент задержания, что он является журналистом. По словам этого сотрудника полиции, данный факт стал ему известен только после выхода

соответствующего номера журнала. Из свидетельских показаний другого журналиста также следует, что он и третий¹ фотограф, которые находились в заблокированной зоне, смогли покинуть место событий без каких-либо последствий непосредственно перед задержанием заявителя. Этот последний оставшийся журналист сообщил, что он сделал последнюю фотографию в 21.15 и покинул зону всего лишь за две или три минуты до задержания. Окружной суд также счел установленным, что требования полиции были ясными и что они явно касались каждого в толпе, которая состояла из демонстрантов, а также зрителей и других представителей общественности.

Кроме того, окружной суд рассмотрел вопрос об оправданности вмешательства в право заявителя, предусмотренное статьей 10 Конвенции, следующим образом:

«...Возникает спор о том, имел ли Пентикяйнен право в качестве журналиста и на основании его свободы выражения мнения не подчиняться распоряжениям, которые давались ему полицией. Пентикяйнен был готов использовать свою свободу выражения мнения в качестве фотографа. Распоряжения полиции, которая требовала разойтись, таким образом, ограничивали свободу выражения мнения Пентикяйнена. Вопрос заключается в том, было ли данное ограничение оправданным.

Согласно статье 12 Конституции и статье 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на свободу выражения мнения. Оно включает право публиковать и распространять информацию без вмешательства со стороны властей. Согласно положениям Конституции более подробные нормы об осуществлении свободы выражения мнения предусмотрены законом. В соответствии с пунктом 2 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека осуществление свободы выражения мнения может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом. Согласно названной статье и прецедентной практике Европейского Суда при оценке ограничений должны быть приняты во внимание три требования: 1) ограничение должно быть предусмотрено законом, 2) оно должно иметь приемлемое основание, и 3) оно должно быть необходимо в демократическом обществе.

Во-первых, окружной суд отмечает, что полиция имеет полномочие, предусмотренное статьями 18 и 19 Закона о полиции, оцеплять территорию и рассеивать толпу. На основании этого полномочия сотрудники полиции потребовали от лиц, остающихся в зоне музея “Киасма” и почты, разойтись, но Пентикяйнен также отказался подчиниться им. Следовательно, ограничение было предусмотрено законом.

Во-вторых, окружной суд полагает, что полномочия, предусмотренные статьями 18 и 19 Закона о

¹ Так в тексте оригинала Постановления. Возможно, имеется в виду еще какой-либо фотограф, участвовавший в судебном разбирательстве (*примеч. редактора*).

полиции, касаются поддержания общественного порядка и безопасности, а также предотвращения беспорядков или преступлений, и что в настоящем деле распоряжение разойтись, которые было дано, в том числе, Пентикяйнену, касается предотвращения беспорядков. Ограничение, таким образом, имело приемлемое основание.

В-третьих, необходимо рассмотреть вопрос о том, были ли необходимы в демократическом обществе распоряжение покинуть место событий, полученное Пентикяйненом, и обязанность исполнить его. Окружной суд считает, что было необходимо прекратить ситуацию у музея “Киасма”, приказывая толпе разойтись и прося людей покинуть данную зону.

Окружной суд заключает, что в настоящем деле были соблюдены условия для ограничения свободы выражения мнения Пентикяйнена путем предъявления ему распоряжения покинуть место событий вместе с остальной толпой. Ниже изложена позиция окружного суда относительно элементов, влияющих на наказуемость действий Пентикяйнена.

Дело, на которое ссылается Пентикяйнен (“Дамман против Швейцарии” (*Dammann v. Switzerland*), Постановление Европейского Суда от 25 апреля 2006 г.), касалось ситуации, в которой журналист был осужден в Швейцарии за подстрекательство к нарушению служебной тайны, когда он запрашивал и получал информацию от административного помощника в прокуратуре относительно некоторых регистрационных записей. Европейский Суд постановил, что осуждение заявителя могло препятствовать участию журналистов в публичных дискуссиях по вопросам всеобщего интереса. Осуждение не было пропорционально преследуемым целям, поэтому статья 10 Конвенции была нарушена. Окружной суд находит, что упомянутое дело не аналогично настоящему делу...».

Однако согласно статье 12 главы 6 Уголовного кодекса к заявителю не было применено какого-либо наказания, так как преступление было сопоставимо с «простительным действием» (*anteeksiannettavaan tekoon rinnastettava, jämförbar med en ursäktlig gärning*). Окружной суд постановил, что:

«...Пентикяйнен освобождается от наказания в соответствии с главой 6, пунктом 3 статьи 12 Уголовного кодекса, поскольку преступление по причине особых причин, касающихся действия, может рассматриваться как сопоставимое с простительным действием. Как журналист Пентикяйнен был вынужден регулировать свое поведение в ситуации, вызванной конфликтом ожиданий, исходящих от полиции, с одной стороны, и от его профессии и работодателя, с другой стороны...».

38. Письмом, датированным 23 января 2008 г., заявитель направил жалобу в апелляционный суд г. Хельсинки (*hovioikeus, hovrätten*), утверждая, что окружной суд должен был снять с него предъявленные обвинения. Он утверждал, что его задержание и тот факт, что он был признан виновным, противоречили Конституции и статье 10 Конвенции. Заявитель являлся журналистом, он не участвовал

в демонстрациях и не причинял какого-либо беспокойства. Окружной суд не мотивировал вывод о том, что его задержание и осуждение были «необходимы в демократическом обществе», и поэтому не обосновал вмешательство.

39. 30 апреля 2009 г. апелляционный суд отклонил жалобу заявителя, не указав дополнительных мотивов.

40. Письмом, датированным 24 июня 2009 г., заявитель подал жалобу в Верховный суд (*korkein oikeus, högsta domstolen*), повторяя основания для обжалования, уже выдвинутые в апелляционном суде.

41. 1 сентября 2009 г. Верховный суд отказал заявителю в разрешении на обжалование.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФИНЛЯНДИИ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. ЗАКОН О ПОЛИЦИИ

42. Согласно статье 14 Закона о полиции (*poliisilaki, polislagen*, Закон № 493/1995, действовавший в период, относящийся к обстоятельствам дела) по требованию владельца жилого или общественного помещения или его или ее представителя сотрудники полиции вправе удалить любое лицо, которое незаконно вторглось, проникло тайно или обманным путем, или укрылось, или не исполняет требование уйти. Сотрудники полиции были наделены правом удалить любое лицо, которое с разрешения находится в какой-либо зоне или месте, упомянутом выше, если он или она нарушают покой в жилище или общественный порядок или создают значительное беспокойство иным способом, и если имеются разумные основания подозревать, что беспокойство будет возникать повторно. Если существовала вероятность того, что удаление не помешает повторному возникновению беспокойства, сотрудники полиции имели право задержать лицо, причиняющее беспокойство, и заключить его или ее под стражу. Задержанное лицо могло содержаться под стражей только до тех пор, пока сохранялась вероятность возобновления беспокойства, но не более 12 часов с момента задержания.

43. Согласно пункту 1 статьи 18 Закона о полиции сотрудники полиции имели право оцепить, закрыть или очистить место или зону общего пользования или запретить или ограничить движение там, если это было необходимо для поддержания общественного порядка и безопасности, для обеспечения расследования или для защиты мер, принятых на месте происшествия, неприкосновенности личной жизни граждан, подвергнутых мерам, и имущества, находящегося под угрозой.

44. Статья 19 Закона о полиции предусматривала, что сотрудники полиции имели право давать толпе распоряжение разойтись или переместиться, если собрание угрожало общественному порядку

и безопасности или создавало помехи дорожному движению. В случае неповиновения распоряжению разойтись или переместиться сотрудники полиции имели право применять силу, чтобы рассеять толпу, и задерживать лиц, проявляющих неповиновение. Задержанные лица подлежали освобождению, как только цель меры была достигнута, но не позднее 12 часов с момента задержания.

45. Новый Закон о полиции (*poliisilaki, polislagen*, Закон № 872/2011) вступил в силу 1 января 2014 г. Глава 2, статьи 5, 8 и 9 нового закона содержали те же нормы, включая норму о том, что задержанное лицо может содержаться под стражей только до тех пор, пока сохраняется вероятность возобновления беспокойства, но не более 12 часов с момента задержания.

В. ЗАКОН О ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ

46. Пункт 2 статьи 2 главы 1 Закона о принудительных мерах (*pakkokeinolaki, tvångsmedelslagen*, Закон № 450/1987, действовавший в период, относящийся к обстоятельствам дела) предусматривал, что при наличии предпосылок для заключения под стражу сотрудник полиции мог задержать подозреваемого в преступлении, в том числе, без постановления о заключении под стражу, если в противном случае заключение под стражу ставилось под угрозу. Сотрудник полиции должен был без промедления уведомить должностное лицо, уполномоченное осуществлять заключение под стражу, о произведенном задержании. Указанное должностное лицо, уполномоченное осуществлять заключение под стражу, должно было в течение 24 часов с момента задержания принять решение о том, должно ли задержанное лицо быть освобождено или заключено под стражу.

47. Новый Закон о принудительных мерах (*pakkokeinolaki, tvångsmedelslagen*, Закон № 806/2011) вступил в силу 1 января 2014 г. Статья 1 главы 2 нового закона предусматривает следующее:

«Сотрудник полиции в целях раскрытия преступления вправе задержать подозреваемого в преступлении, который задержан с личным или пытается скрыться.

Сотрудник полиции может также задержать подозреваемого в преступлении, в отношении которого вынесено постановление о заключении под стражу или о задержании. Кроме того, сотрудник полиции может во время основного заседания в суде или во время вынесения решения задержать подсудимого, заключение которого под стражу требуется в связи с приговором, если заключение под стражу необходимо, чтобы не позволить ему или ей скрыться.

При наличии предпосылок для заключения под стражу сотрудник полиции может задержать подозреваемого в преступлении, в том числе, без постановления о заключении под стражу, если в противном случае заключение под стражу может

ставиться под угрозу. Сотрудник полиции должен без промедления уведомить должностное лицо, уполномоченное осуществлять заключение под стражу, о произведенном задержании. Указанное должностное лицо, уполномоченное осуществлять заключение под стражу, в течение 24 часов с момента задержания должно принять решение о том, должно ли задержанное лицо быть освобождено или заключено под стражу. Продолжение задержания на срок более 12 часов требует наличия предпосылок для заключения под стражу».

С. ЗАКОН О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

48. Согласно статье 21 Закона о расследовании преступлений (*esitutkintalaki, förundersökningslagen*, Закон № 449/1987, действовавший в период, относящийся к обстоятельствам дела) подозреваемый, который не был подвергнут заключению под стражу или задержанию, не должен участвовать в уголовном расследовании более 12 часов за один раз или, если имеются предпосылки для заключения под стражу на основании Закона о принудительных мерах, более 24 часов.

49. Согласно пункту 2 статьи 24 того же закона допрос может проводиться в период с 22.00 до 7.00, лишь если:

- «(1) допрашиваемое лицо ходатайствует об этом;
- (2) вопрос рассматривается в рамках упрощенного расследования, для которого допрашиваемое лицо должно остаться или прибыть незамедлительно,
- или
- (3) имеется иная неотложная причина для этого».

50. Аналогичные нормы содержатся соответственно в пункте 2 статьи 5 главы 6 и в пункте 2 статьи 5 главы 7 нового Закона о расследовании преступлений (*esitutkintalaki, förundersökningslagen*, Закон № 805/2011), который вступил в силу 1 января 2014 г.

Д. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ФИНЛЯДИИ

51. Согласно пункту 1 статьи 4 главы 16 Уголовного кодекса Финляндии (*rikoslaki, strafflagen*, Закон № 39/1889, измененный Законом № 563/1998):

«Лицо, которое:

- (1) не повинуется распоряжению или запрету, исходящему от сотрудника полиции в рамках его или ее полномочий, в целях поддержания общественного порядка или безопасности или выполнения обязанностей;
- (2) отказывается предоставить сотруднику полиции идентификационную информацию, указанную в пункте 1 статьи 10 Закона о полиции;
- (3) не подчиняется ясно видимому сигналу или распоряжению сотрудника полиции об остановке или движении транспортного средства в соответствии со статьей 21 Закона о полиции;

(4) не выполняет обязанность оказания содействия в соответствии со статьей 45 Закона о полиции;

(5) вызывает полицию без причины или путем предоставления ложной информации препятствует действиям полиции,

наказывается, если более суровое наказание не предусмотрено законом, за *неповиновение полиции*¹ штрафом или лишением свободы на срок до трех месяцев».

52. Статья 12 главы 6 Уголовного кодекса предусматривает следующее:

«Суд может освободить от наказания, если:

(1) преступление, оцененное в целом, принимая во внимание его опасность или виновность преступника, выраженную в нем, должно рассматриваться как малозначительное;

(2) преступник совершил преступление в возрасте до 18 лет, и деяние рассматривается как результат отсутствия понимания или неосмотрительности;

(3) по особым причинам, связанным с деянием или преступником, деяние должно рассматриваться как простительное действие;

(4) наказание должно рассматриваться как необоснованное или бессмысленное, особенно учитывая факторы, перечисленные выше в пункте 3 статьи 6 и в статье 7, или меры, принимаемые органами социальной защиты и здравоохранения;

(5) преступление не окажет существенного влияния на общее наказание в связи с нормами, регулирующими применение наказания при совокупности преступлений».

Е. ЗАКОН О СУДИМОСТИ

53. Пункты 1–2 статьи 2 Закона о судимости (*rikosrekisterilaki, straffregisterlagen*, Закон № 770/1993) предусматривают, что:

«[Н]а основании уведомлений судов в реестр судимостей вносятся записи о приговорах, которыми лицо в Финляндии приговорено к лишению свободы, исправительным работам, условному лишению свободы, условному лишению свободы в сочетании со штрафом, исправительными работами или надзором, наказанию несовершеннолетних, штрафу взамен наказания несовершеннолетних, или отстранению от должности или которым наказание отсрочено на основании статьи 4 главы 3 Уголовного кодекса (39/1889). Однако в реестр судимостей не вносятся записи о конвертации штрафов в лишение свободы и о лишении свободы, примененном на основании Закона о гражданской службе (1723/1991). Данные о штрафах, наложенных на основании положений, регулирующих уголовную ответственность юридических лиц, также вносятся в реестр судимостей.

Кроме того, в реестр судимостей вносятся записи, как это предусмотрено Декретом о судебных решениях, которыми гражданин Финляндии или иностранный гражданин, постоянно проживаю-

щий в Финляндии, был приговорен за границы к наказанию, эквивалентному упомянутому в пункте (1)».

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ

54. В информации, касающейся международных и европейских стандартов, которой располагает Европейский Суд, конкретные ссылки на действия журналистов в ходе демонстраций остаются скудными. Однако существуют некоторые правила или рекомендации, регулирующие действия полиции по отношению к журналистам, охватывающие демонстрации или аналогичные мероприятия и в то же время содержащие обязанность со стороны журналистов не препятствовать полиции в поддержании общественного порядка и безопасности.

55. Например, Руководящие принципы, разработанные Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ/БДИПЧ) и Европейской комиссией за демократию посредством закона (далее – Венецианская комиссия) (см. Руководящие принципы ОБСЕ/БДИПЧ Венецианской комиссии (2-я редакция), подготовленные Панелью ОБСЕ/БДИПЧ по свободе собраний и Венецианской комиссией, утвержденные Венецианской комиссией на ее 83-м пленарном заседании (Венеция, 4 июня 2010 г.)) предусматривают следующее:

«...**168.** Если разгон собрания представляется необходимым, организатор собрания и его участники должны быть четко и громко информированы об этом еще до какого-либо вмешательства со стороны сотрудников правоохранительных органов. Участникам следует предоставить достаточно времени для того, чтобы они добровольно разошлись. Сотрудники правоохранительных органов в дальнейшем могут вмешаться только в том случае, если участники не расходятся. Третьим лицам (таким как наблюдатели, журналисты и фотографы) также может быть предложено разойтись, но им нельзя препятствовать в освещении и фиксации действий полиции...

169. Фотосъемка и видеозапись (как сотрудниками правоохранительных органов, так и участниками) не должны ограничиваться, но хранение данных может нарушать право на личную жизнь: во время публичных собраний фотосъемка или видеозапись участников допустимы. Однако хотя наблюдение за гражданами в общественном месте для целей идентификации не влечет с необходимостью вмешательство в их право на личную жизнь, запись таких данных и систематическая обработка или постоянный характер их хранения могут повлечь нарушения неприкосновенности личной жизни. Кроме того, фотосъемка и видеозапись собраний для цели сбора оперативной информации могут сдерживать граждан от реализации данной свободы, поэтому к ним нельзя прибегать регулярно. Фотосъемка и видеозапись действий полиции не могут ограничиваться, и любое требование передать фотоленку или цифровые фото-

¹ Так в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

графии или видеозаписи правоохранительным органам подлежит предварительной судебной проверке. Правоохранительные органы должны разработать и опубликовать политику, касающуюся использования ими несекретной видеозаписи/фотосъемки на публичных собраниях».

56. Европейские и международные правила, стандарты, рекомендации или публичные заявления, касающиеся поведения журналистов, в основном не затрагивают тематику, связанную с демонстрациями или подобными мероприятиями. То же самое касается принятых в порядке саморегулирования кодексов поведения или профессиональной этики журналистов.

IV. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

57. Из информации, которой располагает Европейский Суд, включая сравнительно-правовое исследование, проведенное в 34 государствах – членах Совета Европы (в Австрии, Азербайджане, Бельгии, Боснии и Герцеговине, Болгарии, на Кипре, в Чешской Республике, Эстонии, Франции, Грузии, Германии, Греции, Венгрии, Ирландии, Италии, Латвии, Лихтенштейне, Литве, Люксембурге, Македонии, Республике Молдова, Нидерландах, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Сербии, Словакии, Словении, Испании, Швеции, Швейцарии, на Украине и в Соединенном Королевстве), следует, что все исследованные государства применяют общие нормы уголовного права к журналистам, освещающим демонстрации. Не выявлен особый статус журналистов, что касается задержания, заключения под стражу и осуждения. Представители средства массовой информации, таким образом, привлекались к ответственности за преступления, совершенные ими во время демонстрации, в том же порядке, что и участники демонстрации. В то время как прецедентная практика, подобная настоящему делу, была обнаружена в пяти исследованных государствах, в Австрии, Венгрии, Македонии, Испании и Швеции, она не позволяет сделать какие-либо общие выводы.

58. В части полномочий полиции подавляющее большинство исследованных государств не регулировало специальный вопрос сбора новостей во время демонстраций, сопровождающихся применением насилия. Общие принципы или правила, регулирующие отношения полиции и средств массовой информации, установлены в 12 государствах-членах (в Бельгии, Болгарии, Германии, Греции, Венгрии, Люксембурге, Республике Молдова, Нидерландах, Российской Федерации, Испании, Швеции и Соединенном Королевстве), и они предусматривают в качестве общего правила, что представителям средств массовой информации, освещающим события, следует обозначать себя в качестве журналистов, чтобы отличаться от участников демонстрации. Однако в то время как это обозначение представителей средств массовой

информации имело целью обеспечить возможность журналистской деятельности и облегчить ее, оно не предоставляло никакого иммунитета журналистам, когда они не подчинялись распоряжениям сотрудников полиции покинуть место демонстрации. Лишь в ограниченном количестве государств-членов (в Грузии, Республике Молдова, Российской Федерации и Сербии) введены специальные правила по вопросу сбора новостей во время демонстрации. В этих государствах-членах журналистам предоставляются защищенные зоны, из которых они могут освещать продолжающуюся демонстрацию, либо им сообщается о самой безопасной зоне, в которой они могут вести свою работу. Тем не менее общий баланс интересов, как представляется, склоняется в пользу защиты общественного порядка и безопасности путем подчинения распоряжениям сотрудников полиции.

59. В то время как в подавляющем большинстве исследованных государств-членов действуют профессиональные кодексы поведения или кодексы этики журналистов, эти документы не содержат конкретных положений, касающихся отношений между журналистами и полицией во время демонстраций. Такие кодексы, скорее, затрагивают методы расследования и журналистские источники, а также защиту неприкосновенности личной жизни третьих лиц.

ПРАВО

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель жаловался со ссылкой на статью 10 Конвенции на нарушение своего права на свободу выражения мнения. Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

61. Палата Европейского Суда заключила, что, поскольку задержание и осуждение заявителя явились следствием его действий как фотографа и журналиста газеты при неповиновении полиции, имела место презумпция наличия вмешательства в его право на свободу выражения мнения. Палата Европейского Суда также указала, что стороны пришли к единому мнению о том, что спорные меры были основаны на законодательстве Финляндии, а именно на статье 4 главы 16 Уголовного кодекса. Следовательно, вмешательство было «предусмотрено законом», и оно преследовало несколько законных целей, а именно охраны общественного порядка, предотвращения беспорядков и совершения преступлений.

62. Что касается вопроса о необходимости в демократическом обществе, Палата Европейского Суда отметила, что заявитель отказался от права находиться в отдельной защищенной зоне для прессы, когда он решил оставаться с демонстрантами даже после распоряжений разойтись. Было установлено, что заявитель знал о распоряжениях сотрудников полиции покинуть место событий, но решил игнорировать их. Заявитель мог покинуть место событий и перейти в защищенную зону для прессы без каких-либо последствий в любой момент, пока продолжалось блокирование зоны. Не сделав этого, заявитель заведомо подверг себя угрозе задержания за неповиновение.

63. Палате Европейского Суда не было полностью ясно, на какой стадии полиция узнала о том, что заявитель был журналистом. Представляется, что заявитель не предпринял явных попыток обозначить себя в качестве журналиста. Кроме того, не создается впечатления, что заявителю каким-то образом препятствовали делать фотографии в ходе демонстрации. Его камера или иное оборудование не были изъяты, и ему было разрешено сохранить все сделанные им фотографии и беспрепятственно пользоваться ими.

64. Палата Европейского Суда сочла, что демонстрация являлась вопросом правомерного публичного интереса, учитывая, в частности, ее характер. Окружной суд рассмотрел дело с точки зрения статьи 10 Конвенции, сопоставив друг с другом различные интересы, и постановил, что имела настоятельная общественная потребность в принятии спорных мер в отношении заявителя. Палата Европейского Суда также придала значение тому факту, что к заявителю не было применено никакого наказания, поскольку его действие было признано «простительным» судами страны. С учетом всех факторов Палата Европейского Суда пришла к выводу, что внутригосударственные суды установили справедливое равновесие между затронутыми конкурирующими интересами. Соответственно, по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

65. Заявитель утверждал, что имело место вмешательство в его право на свободу выражения мнения, поскольку сотрудники полиции приказали ему покинуть место демонстрации, он был задержан и не имел возможности во время содержания под стражей, которое продолжалось 17,5 часов, передать информацию, а также по причине того факта, что он подозревался, был обвинен и осужден за преступление, что оказало «сдерживающий эффект» в отношении его прав и работы.

66. Что касается вопроса о том, было ли вмешательство предусмотрено законом, заявитель считал, что полиция превысила свои законные полномочия или злоупотребила своими дискреционными полномочиями на нескольких различных стадиях. Во-первых, непропорциональность категорического распоряжения полиции о том, что толпа должна разойтись, показывала, что оно не соответствовало законодательству Финляндии. Решение полиции рассматривать демонстрацию как беспорядки также было сомнительным, поскольку степень агрессивного поведения была относительно ограниченной, лишь несколько лиц вели себя подобным образом.

Во-вторых, содержание заявителя под стражей было незаконным, так как оно длилось всю ночь, и его продолжительность составила около 17,5 часов. Задержанные лица должны освобождаться как можно быстрее, но не позднее 12 часов с момента задержания. Полиция могла бы задержать его более чем на 12 часов, лишь если бы он подозревался в причастности к беспорядкам. Заявителя сначала задержали за неповиновение полиции, но позднее, по утверждению заявителя, причина его задержания была изменена на участие в беспорядках. Поскольку заявитель, несомненно, даже не участвовал в демонстрации, его действия не могли соответствовать определению участия в беспорядках. Полиция, таким образом, не имела достаточных оснований, чтобы задержать его, и он должен был быть освобожден незамедлительно или самое позднее в течение 12 часов. Кроме того, заявитель должен был быть допрошен или опрошен без промедления, поскольку допросы могли производиться даже с 22.00 до 7.00, если подозреваемый ходатайствовал об этом или если имела иная настоятельная необходимость.

67. Заявитель также считал, что фактическое осуждение в уголовном порядке не было основано на законе, поскольку он не знал, что мог быть признан виновным в преступлении, продолжая делать фотографии в оцепленной зоне. Поскольку в решениях судов страны отсутствовала мотивировка, вопросы законности не оценивались ими. Таким образом, заявитель утверждал, что вмешательство

ство полиции, прокурора и внутригосударственных судов не было основано на законодательстве Финляндии.

68. Заявитель был готов признать, что вмешательство могло преследовать законную цель.

69. В отношении необходимости вмешательства заявитель отметил, что его задачей было распространение информации о демонстрации в разумный срок. Его работа включала как всестороннее описание действий каждой из сторон во время демонстрации, так и публикацию онлайн информации о демонстрации незамедлительно после ее завершения. Заявитель утверждал, что отсутствовала отдельная и защищенная пресс-зона для журналистов на месте проведения демонстрации. Он обратился во все основные средства массовой информации и узнал, что никто из журналистов, присутствовавших месте, не получал указания пройти в защищенную зону, и никто в действительности не видел этой зоны. Из-за пределов оцепления было невозможно увидеть, что происходит внутри оцепления, поскольку видимость была ограничена плотной, состоящей из нескольких рядов цепью сотрудников полиции, полицейскими мини-автобусами и автобусами. В 19.15 полиция оцепила более широкую зону, в результате чего следить за событиями стало еще сложнее. Защищенная зона для журналистов не могла существовать, так как изначально демонстрация должна была представлять собой шествие и, следовательно, находящаяся в одном месте пресс-зона не служила бы какой-либо цели. Даже если эта зона существовала, ее использование должно было быть необязательным в связи с тем, что власти государства не могли решать, с какой стороны журналисты должны освещать мероприятие.

70. Заявитель далее утверждал, что довод о том, что он не обозначил себя в качестве журналиста, противоречил здравому смыслу. У него на шее висел бейдж представителя прессы, что было подтверждено свидетелем в окружном суде. Он нес две камеры той модели, которая в 2006 году использовалась лишь профессиональными журналистами, и сумку для камер. Из отчета о результатах предварительного расследования следовало, что заявитель обозначил себя в качестве журналиста сотруднику полиции, который осуществлял задержание. В конце демонстрации заявитель стоял между демонстрантами и цепью полицейских и поэтому явно отделял себя от первых. В то время ситуация была спокойной и контролировалась полицией. Задержав демонстрантов, сотрудник полиции закричал «Хватай фотографа», и заявитель был задержан, когда фотографировал. Когда он находился в камере для задержанных лиц в полиции, он громко кричал проходящим сотрудникам полиции, что является журналистом.

71. Заявитель считал, что его содержание под стражей в течение 17,5 часов было непропорцио-

нальным. Полиция могла освободить его на месте событий или самое позднее в течение 12 часов. Материал, который был снят заявителем во время демонстрации, уже был «старым» на момент его освобождения. Полиция освободила несовершеннолетних после нескольких часов содержания под стражей, и заявитель мог быть освобожден тогда же. Полиция также могла прекратить предварительное расследование по его делу, а прокурор мог снять с него обвинения. Однако государство сочло важным преследование и возможное осуждение заявителя за неповиновение. Государство осудило его за выполнение им своей работы, хотя он уже пострадал от последствий конкретных действий полиции. Приговор окружного суда и длительность его содержания под стражей оказали несомненный «сдерживающий эффект» на работу журналистов. Внутригосударственные суды не рассматривали вопрос о том, отвечало ли вмешательство «неотложной общественной необходимости». Окружной суд не уравнивал надлежащим образом конкурирующие интересы, а лишь постановил, что прекращение демонстрации путем приказа толпе разойтись было необходимым. Он не оценивал характер «настоятельной общественной потребности» в удалении заявителя с места событий. Он также не принял во внимание прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой подобный приговор будет оказывать «сдерживающий эффект» на журналистику.

2. Власти Финляндии

72. Власти Финляндии согласились с выводом Палаты Европейского Суда о том, что в настоящем деле требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

73. По мнению властей Финляндии, отсутствовало вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения. Они отметили, что полиция не мешала заявителю освещать мероприятие. Причиной задержания заявителя была не его работа в качестве фотографа, а факт его неоднократного неповиновения последовательным и ясным распоряжениям сотрудников полиции покинуть место проведения мероприятия. Требования полиции касались всех присутствующих на месте событий. Доказательства также демонстрировали, что сотрудник полиции приказал лично заявителю покинуть место событий, после чего он проконсультировался со своим руководством относительно того, следует ли ему оставаться, несмотря на распоряжения полиции. От заявителя не требовали прекратить фотосъемку даже на очень короткой дистанции ни в какой-либо момент времени вплоть до его задержания. Как только полиция узнала, что заявитель являлся представителем прессы, его камера, карты памяти и иное оборудование были незамедлительно признаны журна-

листскими источниками и не были изъяты. Он мог сохранить фотографии, и никакой орган не устанавливал ограничений на использование фотографий на какой-либо стадии. Заявитель был седьмым по счету допрошенным заключенным и шестым по счету освобожденным из 81 задержанного, допрошенного на следующий день. После освобождения несовершеннолетних полиция обратила внимание на заявителя как можно быстрее.

74. Власти Финляндии далее отметили, что ни разбирательства на внутригосударственном уровне, касающиеся заявителя, ни текущее разбирательство в Европейском Суде не затрагивали действия заявителя как фотографа. Рассматриваемый вопрос, напротив, затрагивал его действия как части толпы, которая систематически, после предложения, призыва и, наконец, требования разойтись, отказывалась повиноваться полиции. Именно по этой причине внутригосударственные суды признали заявителя виновным в неповиновении полиции. Кроме того, окружной суд решил освободить заявителя, поскольку, по его мнению, заявитель оказался в спорной ситуации. Он был вынужден выбирать, следует ли ему подчиниться, с одной стороны, обязательствам, налагаемым на него законом и полицией, или, с другой стороны, ожиданиям его работодателя, который направил его для освещения мероприятия и рекомендовал ему оставаться на месте событий после того, как ему лично было приказано уйти. Учитывая эту понятную сложность, окружной суд расценил отказ заявителя подчиниться сотрудникам полиции сопоставимым с «простительным действием».

75. В качестве альтернативы, если Европейский Суд заключит, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, власти Финляндии полагали, что вмешательство было «предусмотрено законом». Вмешательство также преследовало несколько законных целей, а именно охрану общественного порядка, а также предотвращения беспорядков и совершения преступлений, как было установлено Палатой Европейского Суда.

76. Что касается необходимости в демократическом обществе, власти Финляндии согласились с выводом Палаты Европейского Суда о том, что внутригосударственные суды установили справедливое равновесие между рассматриваемыми конкурирующими интересами. Они отметили, что представители средств массовой информации могли вести репортаж о мероприятии и делать фотографии без ограничений до самого его конца, даже стоя совсем близко с сотрудниками полиции. Также имелась отдельная зона для представителей средств массовой информации. Однако эскалация насилия на месте проведения демонстрации «Бей АСЕМ» привела к тому, что полиция прибыла на многочисленных транспортных средствах, часть которых могла перекрывать обзор отдель-

ных участков места проведения мероприятия из защищенной зоны. Не оспаривалось, что заявитель лично слышал исходящие от полиции распоряжения разойтись уже в 20.30 и что он видел людей, идущих к выходу. Около 21.00, когда полиция дала окончательные распоряжения разойтись, на месте проведения мероприятия оставались два других фотографа, но они покинули место событий примерно в 21.15. Ни на какой-либо стадии мероприятия к ним не принимались никакие меры. Сотрудники полиции отдавали распоряжения, чтобы успокоить ситуацию, восстановить общественный порядок и, в особенности, чтобы обеспечить общественную безопасность. Когда в 21.15 полиция потребовала от заявителя покинуть место событий, он отказался сделать это, заявив, что, поскольку он является фотографом, его это требование не касается. На тот момент находившиеся в толпе лица, которые оказывали сопротивление, были задержаны, и мероприятие подошло к концу. Через несколько минут полиция задержала заявителя, так как было очевидно, что он твердо намерен не подчиняться полиции. Поскольку заявитель консультировался со своим начальником по телефону, прося совета относительно того, остаться ему или уйти, он явно понимал, что распоряжения сотрудников полиции касались, в том числе, и его. Окружной суд также признал установленным, что распоряжения сотрудников полиции ясно касались каждого, то есть задержание заявителя не могло стать для него неожиданностью.

77. Власти Финляндии отметили, что целью задержания заявителя было не умаление его свободы выражения мнения, но расследование преступления, в совершении которого он подозревался. Он мог использовать все фотографии, сделанные им в ходе мероприятия. Соответственно, задержание и содержание под стражей заявителя были оправданными, необходимыми и пропорциональными, поскольку полиция реагировала на демонстрацию, которая приняла насильственный характер и угрожала дальнейшим применением насилия и дестабилизацией обстановки. Следовательно, предполагаемое вмешательство было «необходимым в демократическом обществе».

78. Власти Финляндии подчеркнули важность равного обращения и равенства перед законом в соответствии с Конституцией Финляндии и статьей 14 Конвенции. Они утверждали, что заявитель не имел права на более благоприятное или иное обращение по сравнению с иными лицами, которые присутствовали на месте демонстрации. Распоряжения полиции давались без дискриминации в зависимости от статуса или профессии и не были направлены на воспрепятствование профессиональной деятельности заявителя. Целью действий полиции было урегулирование ситуации и восстановление общественного порядка. Кроме того, окружной суд установил, что заявитель не показал свой бейдж представителя

прессе сотруднику полиции, который осуществлял задержание, или принимавшему его сотруднику полиции в отделении полиции. Он лишь показывал свой бейдж в автобусе, на котором его доставляли в отделение полиции. Сам заявитель написал в статье о мероприятии, что он стал носить свой бейдж заметно для окружающих лишь после заключения под стражу. Таким образом, свобода усмотрения, предоставленная государству при оценке пропорциональности меры, предположительно нарушающей право заявителя на свободу выражения мнения, не была сужена, поскольку заявитель не предпринял явных попыток обозначить себя в качестве журналиста.

79. Наконец, власти Финляндии утверждали, что с настоящим делом не могло быть связано никакого «сдерживающего эффекта». Заявитель содержался под стражей и был осужден не за свою журналистскую деятельность, а за систематическое неповиновение ясным распоряжениям сотрудников полиции. Несколько других журналистов, которые присутствовали на мероприятии, не сделали выбор в пользу неповиновения полиции. К заявителю не было применено наказание, поскольку окружной суд признал его действия сопоставимыми с «простительным действием». Кроме того, с него не взыскивались юридические издержки.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Пределы рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда

80. В своих письменных объяснениях, адресованных Большой Палате Европейского Суда, заявитель настаивал, что его содержание под стражей было незаконным, так как оно длилось всю ночь, и его продолжительность составила около 18 часов. Он утверждал, что, поскольку полиция не имела достаточных оснований для его заключения под стражу, он должен был быть освобожден не позднее чем через 12 часов после задержания. По этой причине его содержание под стражей сверх 12 часов не было «предусмотрено законом» (см. § 66 настоящего Постановления). Власти Финляндии не представили комментариев в отношении этой жалобы.

81. В соответствии с последовательной прецедентной практикой Европейского Суда «дело», переданное Большой Палате, представляет собой жалобу в части, объявленной приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда (см., в частности, Постановление Большой Палаты по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, § 141, ECHR 2001-VII). Заявитель впервые выдвинул жалобу о том, что его содержание под стражей было незаконным в части, превышающей 12 часов, в своих объяснениях, адресованных Большой Палате. Палата Европейского Суда, рассматривая вопрос о необхо-

димости вмешательства в право заявителя на основании статьи 10 Конвенции, приняла во внимание довод властей Финляндии, согласно которому продолжительность содержания заявителя под стражей, составившая около 18 часов, объяснялась тем фактом, что он был помещен под стражу ночью, а законодательство страны запрещало проведение допроса с 22.00 до 7.00 (см. § 48 Постановления Палаты). Однако заявитель не утверждал в Палате Европейского Суда, что его содержание под стражей сверх 12 часов было незаконным. Данная жалоба не равнозначна жалобе в части, признанной приемлемой Палатой Европейского Суда, и, таким образом, выходит за рамки рассмотрения дела Большой Палатой. Европейский Суд, таким образом, ограничится рассмотрением жалобы заявителя в части, объявленной приемлемой Палатой, а именно жалобы на то, что его задержание, содержание под стражей и осуждение повлекли неоправданное вмешательство в его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

2. Имело ли место вмешательство

82. Власти Финляндии прежде всего утверждали, что вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения отсутствовало в настоящем деле.

83. Заявитель был задержан полицией в ходе демонстрации, содержался под стражей около 18 часов, а затем был обвинен и осужден внутригосударственными судами за неповиновение полиции. Однако он был освобожден от наказания, поскольку его преступление было признано «простительным действием». Даже если спорные меры не были направлены на заявителя как на журналиста, являясь последствием неисполнения им распоряжения полиции разойтись, адресованного всем присутствующим лицам в оцепленной зоне, они негативно повлияли на осуществление им журналистских функций, так как он присутствовал на месте событий как фотограф газеты в целях освещения событий. Исходя из этого Европейский Суд признает, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения (см. *mutatis mutandis*¹ Постановление Европейского Суда по делу «Гзелль против Швейцарии» (Gsell v. Switzerland) от 8 октября 2009 г., жалоба № 12675/05, § 49).

3. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»

84. Европейский Суд отмечает, что выражение «предусмотрено законом» в значении пункта 2

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (примеч. переводчика).

статьи 10 Конвенции не только требует, чтобы спорная мера имела определенную правовую основу во внутригосударственном законодательстве, но и касается качества рассматриваемого закона, который должен быть доступен заинтересованному лицу и предсказуем в отношении последствий своего применения (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*), жалоба № 38433/09, § 140, *ECHR* 2012, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» (*Rotaru v. Romania*), жалоба № 28341/95, § 52, *ECHR* 2000-V).

85. Стороны не пришли к единому мнению относительно того, было ли вмешательство «предусмотрено законом»: Европейский Суд отмечает, что основной довод заявителя касается предполагаемой незаконности его содержания под стражей в части, превышающей 12 часов, вопрос, который находится вне рамок дела, рассматриваемого Большой Палатой Европейского Суда (см. § 81 настоящего Постановления). В остальной части из объяснений заявителя следует, что он не утверждает напрямую, что его задержание, содержание под стражей и осуждение не имели правовой основы в законодательстве Финляндии, но, скорее, жалуется на то, каким образом применимые положения законодательства страны применялись исполнительными и судебными органами Финляндии в его деле. Однако толковать и применять законодательство страны должны в первую очередь внутригосударственные органы, особенно судебные (см. Постановление Европейского Суда по делу «Копп против Швейцарии» (*Kopp v. Switzerland*) от 25 марта 1998 г., § 59, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-II, и Постановление Европейского Суда по делу «Крюслен против Франции» (*Kruslin v. France*) от 24 апреля 1990 г., § 29, *Series A*, № 176-A). Ни один из доводов заявителя не указывает на то, что власти страны применяли законодательство произвольным образом. Европейский Суд, таким образом, убежден, что оспариваемое вмешательство, включая задержание, содержание под стражей и осуждение заявителя, имело правовую основу в законодательстве Финляндии, в частности, согласно статье 19 Закона о полиции, пункту 2 статьи 2 главы 1 Закона о принудительных мерах и статье 4 главы 16 Уголовного кодекса. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что вмешательство «было предусмотрено законом».

4. Преследовало ли вмешательство законную цель

86. Не оспаривалось, что вмешательство преследовало несколько законных целей в значении

пункта 2 статьи 10 Конвенции, а именно охрану общественного порядка и предотвращение беспорядков и совершения преступлений.

5. Было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе

(a) Общие принципы

87. Общие принципы, касающиеся необходимости вмешательства в свободу выражения мнения, были обобщены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» (*Stoll v. Switzerland*) (жалоба № 69698/01, § 101, *ECHR* 2007-V) и затем повторены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Организация “Международная организация защитников животных” против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 100, *ECHR* 2013 (извлечения), и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*) от 23 апреля 2015 г., жалоба № 29369/10¹, § 124:

«... (i) Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является одним из основных условий прогресса общества и самовыражения каждого из членов общества. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции указанное положение применимо не только к “информации” или “идеям”, которые принимаются благосклонно или считаются неоскорбительными или не вызывают какой-либо реакции, но также к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости или широты мировоззрения, без которых нет “демократического общества”. Как указано в статье 10 Конвенции, эта свобода подвержена ограничениям, которые... однако должны толковаться ограничительно, а необходимость любого ограничения должна быть убедительно установлена...»

(ii) Прилагательное “необходимый” в контексте пункта 2 статьи 10 Конвенции подразумевает наличие “насущной социальной необходимости”. Договаривающиеся Стороны обладают широкой свободой усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость, но эта свобода сопровождается европейским надзором, который включает в себя как законодательство, так и решения, применяющие его, даже вынесенные независимым судом. В связи с этим Европейский Суд имеет прав выносить окончательное постановление по вопросу о том, совместимо ли “ограничение” со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции.

(iii) Задачей Европейского Суда при осуществлении судебных функций не является подмена собой компетентных внутригосударственных органов власти, а, скорее, пересмотр в свете статьи 10 Конвенции решений, вынесенных указанными

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

органами в рамках предоставленной им свободы усмотрения. Это не означает, что надзор ограничен уточнением того, осуществило ли государство-ответчик свою свободу усмотрения разумно, тщательно и добросовестно. Европейский Суд должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, было ли оно “пропорционально поставленной законной цели” и были ли причины, приведенные внутригосударственными властями в оправдание вмешательства, “относящимися к делу и достаточными”... Поступая подобным образом, Европейский Суд должен убедиться, что внутригосударственные власти применили стандарты, соответствующие принципам, содержащимся в статье 10 Конвенции, и, более того, что они ссылались на допустимую оценку соответствующих фактов...».

Статья 10 Конвенции защищает не только содержание выраженных идей и информации, но и форму, в которую они облечены (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ерсильд против Дании» (*Jersild v. Denmark*) от 23 сентября 1994 г., § 31, Series A, № 298).

88. Европейский Суд далее подчеркивает важнейшую функцию, выполняемую средствами массовой информации в демократическом обществе. Хотя они не должны выходить за определенные рамки, их обязанность, тем не менее, заключается в распространении – способом, совместимым с их обязанностями и ответственностью – информации и идей по всем вопросам, представляющим всеобщий интерес (см. Постановление Большой Палаты по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), жалоба № 21980/93, § 59, *ECHR* 1999-III, Постановление Европейского Суда по делу «Де Хас и Гейселс против Бельгии» (*De Haes and Gijssels v. Belgium*) от 24 февраля 1997 г., § 37¹, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-I, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ерсильд против Дании», § 31). Не только у прессы есть задача распространять подобную информацию и мнения: общество имеет право на получение указанных сведений (см. Постановление Европейского Суда по делу «“Санди таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (*The Sunday Times v. United Kingdom*) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., § 65, Series A, № 30).

89. В этой связи (и со ссылкой на факты настоящего дела) следует подчеркнуть ключевую роль средств массовой информации в предоставлении информации о том, какие меры принимаются властями в отношении публичных демонстраций и для предотвращения беспорядков. Роль «сторожевого пса», присущая средствам массовой информации, приобретает особую важность в данном контексте, поскольку их присутствие является гарантией того, что власти могут быть призваны к ответу в связи с их действиями в отношении демонстран-

тов и общественности в целом, когда речь заходит о действиях правоохранительных органов в ходе крупных собраний, включая методы, используемые для контроля над протестующими или для их разгона или для охраны общественного порядка. Любая попытка устранить журналистов с места демонстрации должна, таким образом, подвергаться пристальной проверке.

90. Европейский Суд также напоминает, что защита, предоставляемая статьей 10 Конвенции журналистам, сохраняется при условии, что они действуют добросовестно в целях предоставления точной и достоверной информации в соответствии с принципами ответственной журналистики (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», § 65, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № 29183/95, § 54, *ECHR* 1999-I, Постановление Европейского Суда по делу «Касабова против Болгарии» (*Kasabova v. Bulgaria*) от 19 апреля 2011 г., жалоба № 22385/03, §§ 61 и 63–68, и Постановление Европейского Суда по делу «“Таймс ньюспейперс Лтд.” против Соединенного Королевства (№№ 1 и 2)» (*Times Newspapers Ltd v. United Kingdom*) (№№ 1 and 2), жалобы №№ 3002/03 и 23676/03, § 42, *ECHR* 2009). В прецедентной практике Европейского Суда понятие ответственной журналистики на настоящий момент сфокусировано в основном на вопросах, касающихся содержания публикации или устного высказывания (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», §§ 65–67, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции», §§ 52–55, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Кроне ферлаг ГмбХ” против Австрии» (*Krone Verlag GmbH v. Austria*) от 19 июня 2012 г., жалоба № 27306/07, §§ 46–47, Постановление Европейского Суда по делу «“Новая газета” и Бородянский против Российской Федерации» (*Novaya Gazeta and Borodyanskiy v. Russia*) от 28 марта 2013 г., жалоба № 14087/08², § 37, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (*Perna v. Italy*), жалоба № 48898/99, § 47, *ECHR* 2003-V, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «“Таймс ньюспейперс Лтд.” против Соединенного Королевства (№№ 1 и 2)», § 45, Постановление Европейского Суда по делу «Ингвари и “Иродалом Кфт.” против Венгрии» (*Ungváry and Irodalom Kft. v. Hungary*) от 3 декабря

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 1 (примеч. редактора).

2013 г., жалоба № 64520/10, § 42, и Постановление Европейского Суда по делу «Йорданова и Тошев против Болгарии» (Yordanova and Toshev v. Bulgaria) от 2 октября 2012 г., жалоба № 5126/05, §§ 53 и 55), а не поведения журналиста в общественном месте.

Однако понятие ответственной журналистики как профессиональной деятельности, которая пользуется защитой статьи 10 Конвенции, не сводится к содержанию информации, которая собирается и/или распространяется силами журналиста. Данное понятие также охватывает, *inter alia*, законность поведения журналиста, включая, что имеет значение применительно к настоящему делу, его или ее публичное взаимодействие с властями при осуществлении журналистских функций. Тот факт, что журналист нарушил закон в этой связи, является наиболее значимым, хотя и не решающим доводом при определении того, действовал ли он ответственно.

91. Европейский Суд напоминает в этом контексте, что журналисты, которые осуществляют свою свободу выражения мнения, несут «обязанности и ответственность» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 102, и Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., § 49, *in fine*¹, Series A, № 24). В этом отношении следует повторить, что пункт 2 статьи 10 Конвенции не гарантирует совершенно неограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения средствами массовой информации вопросов, представляющих серьезный публичный интерес. В частности, и несмотря на ключевую роль, которую играют средства массовой информации в демократическом обществе, журналисты в принципе не могут освобождаться от обязанности подчиняться общему уголовному закону на основании того, что статья 10 Конвенции предоставляет им как журналистам нерушимую защиту (см., в частности, *mutadis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 102, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии», § 65, и Постановление Европейского Суда по делу «Моннат против Швейцарии» (Monnat v. Switzerland), жалоба № 73604/01, § 66, ECHR 2006-X). Иными словами, журналист не может требовать исключительного иммунитета от уголовной ответственности по той единственной причине, что, в отличие от иных лиц, осуществляющих право на свободу выражения мнения, он совершил рассматриваемое преступление во время исполнения своих журналистских функций.

¹ *In fine* (лат.) – в конце (примеч. переводчика).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

92. Европейский Суд отмечает, что заявитель был задержан, содержался под стражей, был обвинен и признан виновным в неповиновении распоряжениям сотрудников полиции. Его задержание произошло в контексте демонстрации «Бей АSEM», в которой он участвовал в качестве фотографа и журналиста еженедельного журнала «Суомен кувалехти». Не оспаривается, что демонстрация привлекла значительное внимание средств массовой информации.

93. В отличие от многих иных дел, инициированных журналистами на основании статьи 10 Конвенции, включая дело Штоля и иные дела, упомянутые в §§ 87–91 настоящего Постановления, настоящее дело не касается запрета публикации (публичного раскрытия определенной информации) или санкций, примененных в связи с публикацией. Предметом рассмотрения в настоящем деле являются меры, принятые в отношении журналиста, не исполнившего распоряжения полиции, делая фотографии для репортажа о демонстрации, которая приобрела насильственный характер.

94. Рассматривая вопрос о том, были ли необходимы меры, принятые в отношении заявителя властями Финляндии, Европейский Суд будет учитывать, что оба интереса, которые должны быть взвешены в настоящем деле, являются публичными по своему характеру, а именно интерес полиции в поддержании общественного порядка в контексте демонстрации, сопровождающейся применением насилия, и интерес общественности в получении информации по вопросу, привлекающему всеобщее внимание (см. *mutadis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», §§ 115–116). Он рассмотрит по очереди задержание, содержание под стражей и осуждение заявителя, чтобы определить, было ли спорное вмешательство, взятое в целом, оправдано относимыми и достаточными основаниями, и было ли оно пропорционально преследуемым законным целям.

(i) Задержание заявителя

95. Что касается задержания заявителя, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, были ли распоряжения полиции основаны на разумной оценке фактов и мог ли заявитель сообщить о демонстрации. Он также учтет поведение заявителя, включая то, идентифицировал ли он себя в качестве журналиста.

96. Когда демонстрация началась, ядро из примерно 50 демонстрантов, примерно 500 прохожих и около 50 журналистов, включая заявителя, собралось в месте начала шествия. После эскалации насилия полиция вначале воспрепятствовала движению толпы, но разрешала мирной демон-

страции проходить на месте. Позднее полиция заблокировала место демонстрации и приказала толпе разойтись. Полиция выполнила действия для безопасности мероприятия, выдвинув на место 480 полицейских и пограничников. Полиция имела достаточные основания ожидать на основе оценки риска, предоставленного разведкой безопасности Финляндии, и предшествующего опыта беспорядков, имевших место в том же году, а также ввиду тона плакатов, призывавших представителей общественности «привнести хотя бы немного беспорядка также на улицы Хельсинки», и анонимности организатора демонстрации (см. §§ 12–16 настоящего Постановления), что последняя может обернуться насилием. Впоследствии окружной суд установил, что действия сотрудников полиции были законными и что у полиции были оправданные мотивы для предъявления требования разойтись (см. § 37 настоящего Постановления). Таким образом, Европейский Суд не усматривает оснований сомневаться в том, что распоряжения сотрудников полиции были основаны на разумной оценке фактов. Кроме того, по мнению Европейского Суда, превентивные меры в связи с вероятностью насильственного хода событий, включая распоряжения полиции об оставлении места демонстрации, были оправданными. Меры были направлены не только на «абстрактную» охрану общественного порядка, а также на предотвращение беспорядков и преступлений, но и на безопасность лиц в месте проведения демонстрации и рядом с ним, включая представителей средств массовой информации и поэтому также самого заявителя.

97. Европейский Суд далее рассмотрит, создавались ли заявителю какие-либо препятствия для выполнения своей работы в качестве журналиста на мероприятиях «Бей ASEM». Стороны не пришли к соглашению о том, существовала ли зона безопасности прессы. Однако представляется, что большинство журналистов, примерно 50 из них в начале демонстрации, оставались в зоне демонстрации. Власти не предлагали ни им, ни заявителю в какой-либо момент событий использовать отдельную зону, зарезервированную для прессы. Кроме того, демонстрация имела такой характер, первоначально она предполагалась как шествие по маршруту, что насильственные события могли и действительно произошли в «непредсказуемом» месте. В данной ситуации отсутствовала какая-либо возможность заблаговременного обеспечения властями территории рядом с местом событий. Следовательно, для Европейского Суда не имеет решающего значения, существовала ли такая зона безопасности, поскольку все журналисты, по-видимому, находились в зоне демонстрации и могли там свободно работать. Следовательно, нельзя сказать, что самому заявителю препятствовали в сообщении о событиях. Напротив, он мог фотографировать во время всей демонстрации до

того момента, когда он был задержан. Это совершенно ясно из записи DVD, выполненной на демонстрации, а также из того факта, что на последней фотографии, сделанной заявителем, изображен сотрудник полиции, который осуществлял его задержание.

98. Обращаясь к поведению заявителя, Европейский Суд учитывает, что он был задержан в оцепленной зоне, где находился в центре демонстрантов, державшихся за руки. Из записи DVD следует, что заявитель был одет в темную одежду, которая соответствовала требованиям «дресс-кода» демонстрантов. На нем отсутствовали отличительная одежда или другие знаки, способные идентифицировать его в качестве журналиста. Он не носил, например, желтый жилет или жакет, как делали некоторые его коллеги-журналисты. По-видимому, не было никаких указаний, например, на камере, используемой заявителем, что он работал на «Суомен кувалехти». На записях DVD или на фотографиях, где изображен заявитель, на нем отсутствует пресс-бейдж. Таким образом, внешность заявителя, по-видимому, не позволяла легко отличить его от протестующих лиц. Таким образом, на основании его присутствия в оцепленной зоне, а также его внешности складывается впечатление, что его было непросто идентифицировать в качестве журналиста до его задержания.

99. Из решения окружного суда и других материалов дела также остается неясным, каким сотрудникам полиции заявитель представился в качестве журналиста. Из отчета о результатах предварительного расследования следует, что он сообщил об этом сотруднику полиции, который осуществлял его задержание, который указал в ходе предварительного расследования, что заявитель не сопротивлялся задержанию и просил разрешить ему телефонный разговор, что ему было разрешено сделать. Когда сотрудник полиции, который осуществлял задержание, спросил о его личности, заявитель предъявил свое журналистское удостоверение (см. § 27 настоящего Постановления). Отсюда можно заключить, что заявитель не носил свой пресс-бейдж или, по крайней мере, не носил его на виду, чтобы он мог быть незамедлительно опознан в качестве журналиста. Другой сотрудник полиции, присутствовавший при задержании заявителя, пояснил в ходе предварительного расследования, что заявитель не сопротивлялся задержанию, но он не слышал, чтобы заявитель называл себя журналистом (см. § 27 настоящего Постановления). С другой стороны, не было установлено, идентифицировал ли заявитель себя в качестве журналиста, также когда его отвели в автобус, чтобы доставить в отделение полиции. Тем не менее Европейский Суд полагает, что полиция должна была узнать о его статусе журналиста не позднее, чем он был доставлен в отделение полиции, когда принимавший его

сотрудник полиции изъял журналистское удостоверение заявителя, которое, согласно собственным объяснениям заявителя, он «вынул», после чего стал носить его на груди заметно для окружающих незадолго до этого (см. § 28 настоящего Постановления). На основании данной информации Европейский Суд полагает, что, если бы заявитель хотел быть признанным в качестве журналиста полицией, ему следовало предпринять достаточно ясные меры, чтобы идентифицировать себя в качестве такового за счет ношения отличительной одежды или постоянного ношения своего пресс-бейджа или любыми другими целесообразными средствами. Он не сделал этого. Следовательно, ситуация заявителя отличалась от положения журналиста в деле «Наджафли против Азербайджана», который носил бейдж журналиста на груди и прямо сказал сотрудникам полиции, что является журналистом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Наджафли против Азербайджана» (*Najafli v. Azerbaijan*) от 2 октября 2012 г., жалоба № 2594/07, § 67, см. также *mutadis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гзель против Швейцарии», § 49).

100. Кроме того, заявитель утверждал, что он не знал о требовании сотрудников полиции разойтись. Европейский Суд отмечает, что окружной суд нашел установленным, что заявитель знал о распоряжениях полиции удалиться, но решил пренебречь ими (см. § 37 настоящего Постановления). Сам заявитель признал в окружном суде и в своих объяснениях Европейскому Суду, что услышал требования примерно в 20.30 (см. §§ 24 и 37 настоящего Постановления). Это подтверждается также тем, что заявитель позвонил своему работодателю с целью обсудить, должен ли он покинуть это место (см. § 24 настоящего Постановления). По мнению Европейского Суда, данный факт свидетельствует о том, что заявитель понимал или хотя бы ожидал, что требование относится и к нему. Кроме того, заявитель признал в своих объяснениях Европейскому Суду, что примерно через полчаса сотрудник полиции приказал удалиться ему лично, но он ответил сотруднику полиции, что решил остаться (см. § 25 настоящего Постановления). Это признание явно противоречит утверждению заявителя о том, что он не знал о распоряжении сотрудников полиции разойтись. Следовательно, заявитель вполне осознавал свои действия, и, таким образом, нельзя согласиться, что он не знал о распоряжении сотрудников полиции. Кроме того, в качестве журналиста, сообщавшего о полицейских действиях, он должен был понимать правовые последствия, которые может повлечь неподчинение распоряжениям сотрудника полиции. Таким образом, Европейский Суд вынужден заключить, что, не подчиняясь требованиям сотрудников полиции, заявитель сознательно принял риск быть задержанным за неповиновение полиции.

101. Европейский Суд также учитывает, что все другие журналисты, кроме заявителя, подчинились распоряжениям полиции. Даже последний из них покинул место после того, как было сделано последнее предупреждение, которое ясно указывало, что, если присутствующие не разойдутся, они будут задержаны. Как свидетельствовал последний указанный журналист в разбирательстве дела в окружном суде, он сделал свою последнюю фотографию в 21.15 и покинул место за две-три минуты до задержания заявителя. Какие-либо меры к этим журналистам не принимались (см. § 37 настоящего Постановления). Заявитель также мог покинуть место и передвигаться за пределами полицейского кордона без всяких последствий в любое время, пока действовала блокировка. Кроме того, ничто в материалах дела не позволяет предположить, что, если бы заявитель подчинился приказу, отданному полицией об эвакуации оцепленной зоны, не мог продолжать исполнять профессиональные обязанности даже в непосредственной близости от оцепленной зоны, где впоследствии полиция рассеяла группу демонстрантов и задержала протестующих.

(ii) Содержание заявителя под стражей

102. Заявитель содержался под стражей в полиции в течение 17,5 часов. Как уже установил Европейский Суд, вопрос о предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей, превышавшего 12 часов, не относится к пределам рассмотрения Большой Палаты (см. § 81 настоящего Постановления). Кроме того, заявитель утверждал, что его следовало допросить и освободить незамедлительно.

103. Власти Финляндии отмечали, что длительность содержания заявителя под стражей объяснялась в основном тем фактом, что он был заключен под стражу ночью и что внутригосударственное законодательство запрещало проведение допросов с 22.00 до 7.00. Законодательство Финляндии предусматривало исключения из этого правила в пункте 2 статьи 24 Закона о расследовании преступлений (см. § 49 настоящего Постановления). Европейский Суд отмечает, что в материалах дела отсутствуют сведения о том, что заявитель просил о своем незамедлительном допросе ночью. Заявитель и не утверждал, что он это сделал. Кроме того, поскольку 128 человек были задержаны и помещены под стражу после демонстрации, данный факт также мог отсрочить освобождение заявителя. Однако на следующий день заявитель был одним из первых допрошенных и освобожденных лиц в связи с его статусом журналиста: он был седьмым из задержанных, которые были допрошены, и шестым из освобожденных после освобождения несовершеннолетних (см. § 32 настоящего Постановления). Это обстоятельство ясно показывает, что органы полиции проявили более благо-

приятное отношение к заявителю как к представителю средства массовой информации.

104. Европейский Суд учитывает, что неясно, были ли мобильный телефон заявителя, съемочное оборудование и карты памяти осмотрены полицией. Заявитель утверждал, что были. Согласно докладу заместителя парламентского омбудсмана (см. § 34 настоящего Постановления) полиция проверила содержание мобильных телефонов задержанных. На основе материалов дела непонятно, были ли осмотрены также мобильный телефон заявителя и его карты памяти. Власти Финляндии, однако, утверждали, что, как только полиция выяснила, что заявитель являлся представителем прессы, его камера, карты памяти и другое оборудование были незамедлительно отнесены к журналистским источникам и не были конфискованы (см. § 29 настоящего Постановления). Заявитель не возражал в отношении этого утверждения властей Финляндии.

105. Хотя не вполне ясно, как обращались со съемочным оборудованием и картами памяти заявителя после его задержание, Европейский Суд учитывает, что заявитель не утверждал, что его съемочное оборудование или полученные им фотоматериалы не были возвращены полностью или без изменений. По мнению Европейского Суда, не представляется, что оборудование заявителя не было конфисковано, а лишь изъято на время его задержания в соответствии с обычной практикой. Кроме того, заявителю разрешили сохранить все фотографии, которые он сделал. Ни один орган не вводил ограничения для использования фотографий на любой стадии.

(iii) Осуждение заявителя

106. Наконец, что касается осуждения заявителя, Европейский Суд учитывает, что окружной суд признал заявителя виновным в неповиновении распоряжениям сотрудников полиции, но не применил к нему никакого наказания, поскольку преступление было сочтено «простительным». Позднее апелляционный суд поддержал это решение, не добавив ему новых мотивов. Наконец, Верховный суд не дал заявителю разрешение на обжалование.

107. Европейский Суд полагает, что демонстрация с учетом ее характера была предметом законного публичного интереса. Следовательно, средства массовой информации имели задачу распространять информацию о происшествии, а общественность имела право получать такую информацию. Это также признали власти и выполнили подготовительные действия для того, чтобы отвечать потребностям средств массовой информации. Мероприятие привлекло внимание средств массовой информации и освещалось ими. Однако Европейский Суд отмечает, что около 50 журналистов присутствовали на месте, но лишь заявитель

утверждал, что его свобода выражения мнения затрагивалась в контексте демонстрации.

108. Кроме того, любое вмешательство в осуществление его журналистской свободы имело ограниченные пределы с учетом предоставленной ему возможности адекватного освещения мероприятия. Европейский Суд вновь подчеркивает, что поведение, повлекшее уголовное осуждение, не являлось журналистской деятельностью заявителя как таковой, то есть любой его публикацией. В то время как фаза до публикации также относится к сфере проверки Европейского Суда с точки зрения статьи 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства (№ 2)» (*The Sunday Times v. United Kingdom*) (№ 2) от 26 ноября 1991 г., § 51, Series A, № 217), настоящее дело не затрагивает санкции, примененные к заявителю за проведение журналистского расследования или получение информации как таковой (см. противоположный пример в Постановлении Европейского Суда по делу «Дамманн против Швейцарии» (*Dammann v. Switzerland*) от 25 апреля 2006 г., жалоба № 77551/01, § 52, по поводу применения штрафа к журналисту за получение информации, являвшейся предметом государственной тайны). Осуждение заявителя касалось только его отказа подчиняться полицейскому требованию в самом конце демонстрации, которую полиция объявила беспорядками.

109. Впоследствии окружной суд установил, что полиция имела обоснованные причины отдавать эти требования (см. § 37 настоящего Постановления). Он полагал, что было необходимо рассеять толпу из-за беспорядков и угрозы общественной безопасности и приказать людям уйти. Поскольку эти законные требования не были исполнены, полиция имела право задержать и заключить под стражу неподчинившихся демонстрантов. Как подчеркнули власти Финляндии, тот факт, что заявитель являлся журналистом, не давал ему права на преференциальное или дифференцированное обращение по сравнению с другими людьми, оставшимися на месте (см. § 78 настоящего Постановления). Данный подход также подкреплен информацией, доступной Европейскому Суду, согласно которой законодательство большинства государств – членов Совета Европы не наделяет специальным статусом журналистов, когда они не соблюдают распоряжения полиции об оставлении места демонстрации (см. § 57 настоящего Постановления).

110. Из материалов дела следует, что преследование осуществлялось против 86 человек, которые обвинялись в нескольких видах преступлений. Заявитель утверждал, что прокурор мог и должен был снять обвинения против него, так как он только исполнял свою работу в качестве журналиста. Согласно прецедентной практике Европейского

Суда принцип дискреционного преследования оставляет государствам значительный простор для маневра при решении вопроса о том, возбуждать или нет разбирательство в отношении лица, которое, как считается, совершило правонарушение (см. *mutadis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 159). Кроме того, Европейский Суд напоминает, что журналисты не могут освобождаться от обязанности соблюдения общеуголовных норм только на том основании, что статья 10 Конвенции предоставляет им защиту (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 102). Тем не менее Европейский Суд признает, что журналисты иногда могут сталкиваться с противоречием между всеобщей обязанностью соблюдать общеуголовные нормы, от чего журналисты не освобождены, и их профессиональной обязанностью получать и распространять информацию, позволяющую средствам массовой информации играть свою важную роль общественного контролера. На фоне этого конфликта интересов следует подчеркнуть, что концепция ответственной журналистики требует, чтобы, когда журналист так же, как и его работодатель, должен делать выбор между двумя обязанностями и когда он делает выбор в ущерб обязанности подчиняться общеуголовным нормам, этот журналист должен сознавать, что он подвергается риску применения правовых санкций, в том числе уголовно-правового характера, при неподчинении законным приказам, в частности, полиции.

111. Окружной суд затронул вопрос о том, имел ли право заявитель в качестве журналиста не подчиняться требованиям, отданным ему сотрудниками полиции. Он решил, что при обстоятельствах дела условия ограничения права заявителя на свободу выражения мнения были достигнуты. Приходя к данному выводу, окружной суд сослался на дело Даммана (упоминавшееся выше), утверждая, что дело заявителя следует от него отличать. Мотивы, приведенные окружным судом для осуждения заявителя за неповиновение распоряжением сотрудников полиции, являются краткими. Однако с учетом особого характера вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, которое имело место в настоящем деле (см. § 108 настоящего Постановления), Европейский Суд считает, что они являются относимыми и достаточными. Кроме того, окружной суд учел конфликт интересов, с которым столкнулся заявитель, когда суд решил не применять к нему наказания.

112. В этом контексте Европейский Суд напоминает, что характер и суровость примененного наказания также являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке соразмерности вмешательства (см. упоминавшееся выше Постановление

Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 153, с дополнительными отсылками). В настоящем деле окружной суд воздержался от применения наказания к заявителю, поскольку его действия были сочтены «простительными». Приходя к такому заключению, он принял во внимание, что заявитель в качестве журналиста столкнулся с противоречивыми ожиданиями, вытекающими из обязанностей, возложенных на него полицией, с одной стороны, и его работодателем, с другой стороны.

113. В некоторых случаях факт осуждения лица может быть более важным, чем незначительность примененной санкции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 154, с дополнительными отсылками). Однако в настоящем деле Европейский Суд придает значение тому факту, что осуждение заявителя не имело отрицательных материальных последствий для него: поскольку санкция не применялась, осуждение в соответствии с законодательством Финляндии не отражалось в виде судимости (см. § 53 настоящего Постановления). Осуждение заявителя составляло лишь формальный вывод о совершенном им преступлении и в качестве такового едва ли могло иметь, если имело, какой-либо «сдерживающий эффект» на лиц, принимающих участие в протестных акциях (см. для сравнения противоположный пример *mutadis mutandis* в Постановлении Европейского Суда по делу «Тараненко против Российской Федерации» (*Taranenko v. Russia*) от 15 мая 2014 г., жалоба № 19554/05¹, § 95) или для работы журналистов в целом (см. для сравнения противоположный пример *mutadis mutandis* в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» (*Cumpănă and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, § 116, *ECHR* 2004-XI). В итоге можно утверждать, что осуждение заявителя было пропорционально преследуемым законным целям.

6. Общий вывод

114. Учитывая все вышеизложенные факторы и принимая во внимание свободу усмотрения, предоставленную государству, Европейский Суд заключает, что в настоящем деле внутригосударственные власти приняли свои решения на основании относимых и достаточных доводов и установили справедливое равновесие между конкурирующими интересами, рассматриваемыми в данном разбирательстве. Из материалов дела ясно следует, что власти умышленно не препятствовали или не мешали средству массовой информации освещать демонстрацию в попытке скрыть от обществен-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (примеч. редактора).

ности действия полиции в отношении демонстрации в целом или индивидуальных протестующих (см. § 89, *in fine*). Действительно, заявителю не мешали выполнять свою работу журналиста во время или после демонстрации. Таким образом, Европейский Суд заключает, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения может быть названо «необходимым в демократическом обществе» в значении статьи 10 Конвенции. Европейский Суд хотел бы подчеркнуть, что данный вывод следует рассматривать на основе особых обстоятельств настоящего дела с надлежащим учетом необходимости избегать умаления роли «цепного пса», которую играют средства массовой информации (см. § 89 настоящего Постановления).

115. Соответственно, по делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

На основании изложенного Суд:

постановил 13 голосами «за» и четырьмя – «против», что требования статьи 10 Конвенции по делу нарушены не были.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г.Страсбурге 20 октября 2015 г.

Лоренс ЭРЛИ
Юрисконсульт

Дин ШПИЛЬМАНН
Председатель Большой
Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совпадающее особое мнение судьи Юлии Антоанеллы Моток;

(b) несовпадающее особое мнение судьи Роберта Спано, к которому присоединились судьи Дин Шпильманн, Пауль Лемменс и Дмитрий Дедов.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЮЛИИ АНТОАНЕЛЛЫ МОТОК

(Перевод)

Я считаю, что Постановление, вынесенное по делу «Пентикяйнен против Финляндии», представляет собой важное решение вследствие сложности и изощренности его мотивировки.

По моему мнению, настоящее Постановление усовершенствовало наше понимание концепции ответственной журналистики. Я хотела бы подробнее остановиться на трех различных аспектах в данном мнении, а именно на происхождении понятия независимой¹ журналистики в прецедентной

практике Европейского Суда, пропорциональности и свободе усмотрения государства.

Ответственная журналистика не является новым понятием в прецедентной практике Европейского Суда. Я полагаю, что Европейский Суд прямо или косвенно следовал принципам журналистской этики, изложенным в Мюнхенской декларации. В то время как права журналистов хорошо известны, их обязанности известны в меньшей степени, в связи с чем может быть полезно перечислить их:

«Декларация обязанностей»

При сборе информации, освещении и комментировании событий журналист несет следующие основные обязанности:

- 1) стремиться к правде, невзирая на то, какие последствия это может иметь для него, потому что общество имеет право знать правду;
- 2) отстаивать свободу информации, право на комментарий и критику;
- 3) публиковать только ту информацию, источники которой известны, или в противном случае сопровождать ее надлежащими оговорками, не замалчивать важную информацию и не искажать содержание текстов и документов;
- 4) не использовать нечестные методы получения информации, фотографий или документов;
- 5) уважать право граждан на личную жизнь;
- 6) удерживать любую опубликованную информацию, если она окажется не соответствующей действительности;
- 7) хранить профессиональную тайну и не раскрывать источники информации, полученной конфиденциально;
- 8) воздерживаться от плагиата, клеветы, диффамации и беспочвенных обвинений, а также не принимать вознаграждения в связи с публикацией или сокрытием информации;
- 9) не смешивать профессию журналиста с профессией рекламщика или пропагандиста и не принимать никаких вознаграждений, прямых или косвенных, рекламодателей;
- 10) отклонять любое давление и получать журналистские задания только от руководства редакции.

Журналист, достойный этого звания, считает своим долгом следовать вышеизложенным принципам; уважая действующее законодательство любой страны, в профессиональных вопросах он руководствуется только мнением своих коллег, свободным от государственного или иного вмешательства».

Данные принципы были признаны в нескольких постановлениях Европейского Суда, включая Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*) (жалоба № 21980/93, *ECHR* 1999-III), Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции»

¹ Так в оригинале Постановления. Возможно, имеется в виду «ответственной» (примеч. переводчика).

(Fressoz and Roire v. France) (жалоба № 29183/95, ECHR 1999-I), Постановление Европейского Суда по делу «Касабова против Болгарии» (Kasabova v. Bulgaria) (от 19 апреля 2011 г., жалоба № 22385/03) и Постановление Европейского Суда по делу «“Таймс ньюспейперс Лтд.” против Соединенного Королевства (№№ 1 и 2)» (Times Newspapers Ltd v. United Kingdom) (№№ 1 и 2) (жалобы №№ 3002/03 и 23676/03, ECHR 2009). В этих постановлениях Европейский Суд подчеркнул иные принципы, касающиеся ответственной журналистики, особенно в отношении содержания публикации.

Основным достижением настоящего Постановления является выделение принципа ответственной журналистики, относящегося к поведению журналистов в общественном месте.

В настоящем Постановлении Европейский Суд разъясняет обязанность журналиста подчиняться применимому внутригосударственному законодательству в контексте, в котором его профессиональная честь не находится под угрозой (это соответствует заключительной части Мюнхенской декларации). Предметом рассмотрения здесь является поведение журналистов в общественном месте. В настоящем Постановлении подчеркнуты два следствия этого принципа: во-первых, тот факт, что журналисты не могут претендовать на какой-либо тип иммунитета от применения уголовного закона на основании их профессии, и во-вторых, обязанность журналистов, которые не соблюдают закон, тщательно взвешивать последствия своего поведения.

Принцип ответственной журналистики был также подтвержден иными судами, особенно Верховным судом США в его знаменитом деле «New York Times v. Sullivan», результатом которого стало установление этим судом правил, которые трансформировали законодательство о клевете. Должностное лицо может выиграть иск о клевете лишь при условии того, что суд заключит, что содержащее клевету высказывание в его или ее отношении было сделано с «действительным злым умыслом», то есть высказывание было заведомо ложным или автор грубо пренебрег вопросом о том, было ли оно действительным или ложным». Если пресса не проявила «злого умысла», должностные лица не могут требовать возмещения вреда в связи с публикацией ложных сведений в их отношении.

В совпадающих особых мнениях судья Хьюго Л. Блэк и судья Уильям О. Дуглас выразили несогласие с судьей Бреннаном относительно того, действительно ли пресса ни в коем случае не должна привлекаться к ответственности за клевету в отношении должностных лиц. Они полагали, что Первая поправка предусмотрела абсолютный иммунитет для критики того, каким образом должностные лица исполняют свои государственные обязанно-

сти. Любой иммунитет, меньший, чем абсолютный, подверг был свободную прессу «смертельной опасности» вследствие законодательства государства о клевете, преследующего, карающего и в конечном счете уничтожающего критику. Выводы, изложенные в этом постановлении, не были поддержаны иными верховными судами.

В деле «Grant v. Torstar Corp.» Верховный суд Канады постановил, что для защиты со ссылкой на ответственное распространение информации должны быть соблюдены два условия:

(1) дело должно затрагивать вопрос, представляющий общественный интерес;

(2) ответчик должен доказать, что он действовал ответственно и проявил заботливость, пытаясь проверить утверждение(-я), учитывая все относимые обстоятельства.

Верховный суд Канады указал, что при оценке того, действовал ли ответчик ответственно, суд должен принять во внимание:

(1) серьезность утверждения;

(2) общественное значение вопроса;

(3) злободневность вопроса;

(4) статус и надежность источника;

(5) была ли версия истца получена и точно изложена;

(6) было ли оправданным включение диффамационного высказывания;

(7) относился ли общественный интерес в отношении диффамационного высказывания к тому факту, что оно было сделано, а не к его правдивости.

Верховный суд Канады отметил, что список не был исчерпывающим, но мог служить в качестве руководства. Суды могли рассматривать иные факторы. Кроме того, перечисленные факторы не должны наделяться одинаковым весом.

Имеется ряд решений европейских конституционных и верховных судов относительно поведения журналистов. Например, Конституционный суд Австрии постановил, что факт наказания журналиста за отказ покинуть публичную демонстрацию не противоречил соответствующим правам журналистов (см.: VGH, Постановление от 20 сентября 2012 г.). Та же мотивировка может быть обнаружена в постановлении, вынесенном Конституционным судом Македонии в 2014 г.: суд решил, что удаление журналистов с парламентской сессии не нарушало их права. Далее в Постановлении 2004 года Верховный суд Швеции пришел к выводу, что тот факт, что лицо является журналистом, не исключает его осуждения за незаконные действия при освещении демонстрации в ядерной зоне с ограниченным доступом.

Я полностью разделяю вывод большинства о том, что необходимо проводить различие между настоящим делом и делом «Штоль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жало-

ба № 69698/01, *ECHR* 2007-V). Даже хотя оба дела затрагивают понятие общественного порядка, публикация секретных документов в деле Штоля не имеет отношения к соблюдению порядка во время демонстрации, что является центральным вопросом настоящего дела. Дело Штоля касалось публикации, а не поведения в общественном месте.

Другой важный вопрос, который остается оценить в настоящем деле, как и во всех делах, касающихся прав, предусмотренных статьями 8 и 11 Конвенции, касается пропорциональности. Кроме того, применение принципа пропорциональности также породило большую часть дебатов в отношении прецедентной практики Европейского Суда. Изначально существовало распространенное мнение о том, что Европейский Суд применяет принцип «приоритета прав», что означает, что на государстве-ответчике лежит обязанность доказать пропорциональность спорного вмешательства. Было установлено несколько примеров оснований для вмешательства в конвенционное право: вмешательство должно быть «относимым и достаточным» (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Никула против Финляндии» (*Nikula v. Finland*), жалоба № 31611/96, *ECHR* 2002-II), необходимость ограничения должна быть «убедительно установлена» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Сосьете Кола эст” и другие против Франции» (*Société Colas Est and Others v. France*), жалоба № 37971/97, *ECHR* 2002-III) или ограничение должно быть оправдано «убедительными и непреодолимыми основаниями» (см. «Партия “Рефах” (Партия благоденствия) и другие против Турции» (*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*), жалобы №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, *ECHR* 2003-II), вмешательство должно быть оправдано «приоритетной общественной потребностью» (см. Постановление Европейского Суда по делу «“Обсервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства» (*Observer and Guardian v. United Kingdom*) от 26 ноября 1991 г., Series A, № 216) и государственная политика должна реализовываться «наименее обременительным для прав человека способом» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хаттон и другие против Соединенного Королевства» (*Hatton and Others v. United Kingdom*) от 2 октября 2001 г., жалоба № 36022/97). Тем не менее имеется путаница, порожденная иными решениями, которые указывали на «справедливое равновесие» между конвенционными правами и «общими интересами общества», не ссылаясь ни на какие конкретные причины (см.: *S. Greer. The interpretation of the European Convention on Human Rights: Universal Principle or Margin of Appreciation // Human Rights Review*. 2010. № 3).

Несмотря на то, что существует широко распространенное убеждение о том, что Европейский Суд использует тройную структуру для оценки пропор-

циональности, хотя зачастую довольно неявным образом, предлагались и иные подходы к вопросу пропорциональности с точки зрения нравственных ценностей, вытекающие из позиции, разработанной Джереми Уалдроном, который отмечает отсутствие общей системы для «сопоставления» несопоставимого, но позволяет принимать во внимание соответствующие ценности (см.: *Jeremy Waldron. Fake Incommensurability: A Response to Professor Schauer* I. 45 *HASTINGS L.J.* 813, 817 (1994); *S. Tsakirakis. Proportionality: An assault on human rights? // ICON* 2009).

Я считаю, что это настоящее Постановление неявно сочетает оба подхода, как и многие постановления Европейского Суда. В нем анализируются задача, цели и вопрос о том, способствовала ли мера достижению этих целей, и в то же время оно освещает вопрос конкурирующих нравственных ценностей. В конечном счете, оно оставляет адекватное пространство для пределов усмотрения государства.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РОБЕРТА СПАНО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ ДИН ШПИЛЬМАНН, ПАУЛЬ ЛЕММЕНС И ДМИТРИЙ ДЕДОВ

I

1. Вмешательство в соответствии со статьей 10 Конвенции в фундаментальную роль прессы в распространении информации среди общественности в демократическом обществе может развиваться на нескольких стадиях. Договаривающаяся Сторона несет бремя доказывания того, что настоятельная общественная необходимость, оправдывающая вмешательство, сохраняется на протяжении всех стадий, когда прессе препятствуют в исполнении ее жизненно важной роли в соответствии с Конвенцией как «цепного пса».

2. В настоящем деле я признаю, что полиция первоначально оправданно задержала заявителя в конце демонстрации, поскольку, что существенно, он не принял необходимых предосторожностей, чтобы наглядно показать свое журналистское удостоверение и носить отличительную одежду. Однако, как только полиция была уведомлена о том, что заявитель является журналистом, общественная необходимость, оправдывающая длящееся вмешательство в его права, предусмотренные статьей 10 Конвенции, стала менее настоятельной, а затем прекратила существовать, поскольку не оспаривается, что заявитель не принимал участия в самой демонстрации или не представлял ясной и конкретной угрозы для общественного порядка вследствие враждебного или насильственного поведения с его стороны. Его роль сводилась к беспристрастному прохожему, наблюдающему в качестве журналиста в интересах широкой обще-

ственности за тем, как разворачивается весьма важное общественное событие в Финляндии.

3. Я хотел бы подчеркнуть, что не оспариваю выводы большинства относительно законности вмешательства или законной цели, которую оно преследовало. Однако, как я далее разъясню более подробно, власти Финляндии не доказали в свете узких пределов усмотрения государства-ответчика в данном деле, что последующее содержание заявителя под стражей в течение 17,5 часов, когда его профессиональное оборудование было также изъято, что не давало ему сообщить о важных общественных событиях дня, и его последующее уголовное осуждение были необходимы и пропорциональны в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Исходя из этого я почтительно расхожусь с выводом Европейского Суда о том, что по настоящему делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

II

4. В прецедентной практике Европейского Суда по статье 10 Конвенции последовательной и важной темой является то, что пресса играет крайне необходимую роль в обеспечении надлежащего функционирования демократического общества. Конечно, как указывал Европейский Суд в своем Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland) (жалоба № 69698/01, § 102, ECHR 2007-V): «все лица, включая журналистов, которые осуществляют свою свободу выражения мнения, принимают “обязанности и ответственность”, пределы которых зависят от их ситуации и использованных технических средства... Следовательно, несмотря на важнейшую роль, которую пресса играет в демократическом обществе, журналисты, в принципе, не могут быть освобождены от обязанности соблюдать общеуголовное законодательство на том основании, что статья 10 Конвенции предоставляет им защиту. Кроме того, пункт 2 статьи 10 Конвенции не гарантирует совершенно неограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения прессой вопросов серьезной общественной значимости...».

5. Однако, как также признано в деле Штоля, хотя может быть неоспоримым, что журналист нарушил уголовное законодательство, например, как в деле Штоля, путем публикации конфиденциальной информации, сам факт того, что журналист действовал в нарушение уголовно-правовой нормы, не является решением вопроса для целей оценки необходимости и пропорциональности, которая должна проводиться в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Иначе говоря, Договаривающиеся Стороны могут подвергать журналистов уголовным санкциям, если они заходят слишком далеко в раскрытии деятельности,

выставляющей власть предрасположенную к благоприятному свету, и тем самым разрушать важнейшую роль прессы в функционировании демократического общества.

6. Большинство судей признают, что «журналист не может требовать исключительного иммунитета от уголовной ответственности по той единственной причине, что... он совершил рассматриваемое преступление во время исполнения своих журналистских функций» (см. § 91 настоящего Постановления). Однако оценка того, имелась ли настоятельная общественная необходимость для вмешательства в право журналиста, предусмотренное статьей 10 Конвенции, существенно отличается от дел, в которых другие лица осуществляют право на свободу выражения мнения. Поэтому в деле Штоля Европейский Суд нашел необходимым рассмотреть, было ли осуждение журналиста за раскрытие конфиденциальной информации в нарушение уголовного законодательства, тем не менее, необходимым, и в этом отношении принял следующие критерии: *затронутые интересы, проверка меры внутригосударственными судами, поведение заявителя и то, была ли примененная санкция пропорциональной*¹ (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Штоль против Швейцарии», § 112).

7. Большинство судей не применили критерии из дела Штоля в настоящем деле при анализе необходимости вмешательства в свободу выражения мнения заявителя, а также, что имело важное значение, уклонились от рассмотрения совокупности мер, составлявших вмешательство в права заявителя, предусмотренные статьей 10 Конвенции. Вместо этого они осуществили рассмотрение задержания заявителя, его содержания под стражей и осуждения *по очереди*, чтобы определить, основывалось ли оспариваемое вмешательство в целом на относимых и достаточных причинах и было ли оно пропорциональным преследуемой законной цели (см. § 94 настоящего Постановления). По моему мнению, данный подход неверен. Хотя факты настоящего дела затрагивают преступное поведение журналиста при получении информации во время публичной демонстрации, а не при раскрытии конфиденциальной информации, те же критерии, разработанные в деле Штоля, применимы для оценки в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции в данном деле, хотя они, конечно, должны быть адаптированы к фактам, представленным здесь.

Разделив оценку необходимости на независимое рассмотрение различных обжалуемых мер, осуществляемое изолированно друг от друга, Европейский Суд освободил власти Финляндии от ответа на два важнейших вопроса в данном деле.

¹ Здесь и далее текст курсивом выделен автором особого мнения (примеч. редактора).

Во-первых, почему было признано необходимым продолжать вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, когда стало ясно, незамедлительно после его задержания, что он являлся журналистом, притом что никто не утверждал, что он представлял угрозу для общественного порядка в связи с насильственным поведением или что он принимал активное участие в демонстрации?

Во-вторых, какая настоятельная общественная необходимость оправдывала содержание заявителя под стражей в течение 17,5 часов и изъятие его профессионального оборудования, что лишало его возможности сообщений о событиях по мере их развертывания, а затем его преследование и осуждение за действия, которые внутрисударственные суды нашли «простительными» в соответствии с законодательством Финляндии в связи с его журналистским статусом?

Если бы большинство применило *критерии из дела Штоля* к фактам настоящего дела, ответы на эти вопросы продемонстрировали бы, что выводы сегодняшнего постановления не являются оправданными, как я далее покажу.

III

8. Что касается первого критерия из дела *Штоля*, затронутых интересов, не оспаривается, что демонстрация «Бей АSEM» составляла событие значительного общего интереса в финском обществе и на международной арене, как о том свидетельствует широкое освещение в средствах массовой информации (см. § 33 настоящего Постановления). Само собой разумеется, что способ, которым полиция разрешала ситуацию, оправдывал пристальное журналистское внимание. Важно отметить, что заявитель был задержан, когда полиция занималась последними оставшимися протестующими в оцепленной зоне после приказа разойтись. Именно в этот момент было важно для целей статьи 10 Конвенции, чтобы пресса могла наблюдать оперативные решения, принятые сотрудниками полиции, при задержании и рассеянии оставшихся участников, чтобы обеспечить транспарентность и ответственность. Я бы сослался здесь на Руководящие принципы Венецианской комиссии по свободе собраний, принятые в 2010 году (см. § 55 настоящего Постановления), которые указывают (в §§ 168 и 169 настоящего Постановления), что «третьим лицам (таким как наблюдатели, журналисты и фотографы) также может быть приказано разойтись, но им нельзя препятствовать в освещении и фиксации действий полиции». Вместе с тем «[ф]отосъемка и видеозапись действий полиции не могут ограничиваться, и любое требование передать фотопленку или цифровые фотографии или видеозаписи правоохранительным органам подлежит предварительной судебной проверке».

9. Не оспаривается, что на основе своей свободы распространения информации заявитель оправданно принял взыскательный и агрессивный подход к своей работе в качестве журналиста, даже если ставить под вопрос, перевешивали ли его права, предусмотренные статьей 10 Конвенции, его обязанность подчиняться распоряжениям полиции, обращенным к демонстрантам. По сути именно эту позицию занял окружной суд г. Хельсинки, когда заключил, что действия заявителя были «простительны» в соответствии с пунктом 3 статьи 12 главы 6 Уголовного кодекса. Окружной суд правомерно признал (см. § 37 настоящего Постановления), что в качестве журналиста заявитель «был вынужден регулировать свое поведение в ситуации, вызванной конфликтом ожиданий, исходящих от полиции, с одной стороны, и от его профессии и работодателя, с другой стороны». Соответственно, затронутые интересы были таковы, что полиция должна была предоставить заявителю как журналисту достаточную свободу для осуществления его журналистской деятельности с надлежащим учетом статьи 10 Конвенции. Отсюда следует, что, если применяется первый критерий из дела *Штоля* и поэтому надлежащим образом учитываются не только собственные права заявителя, но и важные общественные интересы, которые также имели значение, свобода усмотрения, предоставленная государству-ответчику, весьма ограничена. Только на этом основании уже сомнительно, что имеется настоятельная общественная необходимость, оправдывающая интрузивные вмешательства в конвенционные права заявителя, с учетом того, что они затрагивают не только его первоначальное задержание, но и его содержание под стражей и изъятие его профессионального оборудования, его преследование и, наконец, его уголовное осуждение за неповиновение полиции.

10. Что касается второго критерия из дела *Штоля*, проверки меры внутрисударственными судами, роль Европейского Суда в соответствии со статьей 10 Конвенции ограничена оценкой того, были ли относимыми и достаточными основания, на которые ссылались власти страны. Я прежде всего отмечаю, что роль судов в этом деле была ограничена оценкой того, были ли достигнуты условия осуждения заявителя за неповиновение полиции в соответствии с пунктом 1 статьи 4 главы 16 Уголовного кодекса Финляндии. В приговоре окружного суда г. Хельсинки (см. § 37 настоящего Постановления) совершенно не рассматривался вопрос о том, имелась ли настоятельная общественная необходимость для осуждения заявителя с учетом всех мер, которым он подвергся. Отсутствовал также анализ необходимости его содержания под стражей или изъятия его журналистского оборудования. Кроме того, я не согласен с большинством в том, что мотивировка окружного суда г. Хельсинки

свидетельствует о том, что этот суд установил справедливое равновесие между данными конфликтующими интересами, как требует прецедентная практика Европейского Суда. Окружной суд дал весьма лаконичную оценку необходимости осуждения заявителя, установив только, что «было необходимо прекратить ситуацию у музея “Киасма”, приказывая толпе разойтись и прося людей покинуть данную зону». Только на этом основании окружной суд заключил, что «в настоящем деле были соблюдены условия для ограничения свободы выражения мнения Пентикяйнена путем предъявления ему распоряжения покинуть место событий вместе с остальной толпой».

Последующая мотивировка окружного суда, отличившего дело Пентикяйнена от дела «Дамман против Швейцарии» (Dammann v. Switzerland), Постановление Европейского Суда от 25 апреля 2006 г., также сведена к одному предложению, в котором он объявил, что «упомянутое дело не аналогично настоящему делу».

Представлены абстрактные общие высказывания, а не мотивировка, передающая способ установления равновесия интересов. Кроме того, в последней части своего приговора окружной суд, тем не менее, заключил, как я указал выше, что действия заявителя могут рассматриваться как сопоставимые с простительным действием в соответствии с главой 6, пунктом 3 статьи 12 Уголовного кодекса. В этом смысле приговор окружного суда внутренне противоречив для целей оценки необходимости в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции: с одной стороны, было необходимо задержать заявителя за неповиновение полиции, но с другой стороны, было простительно для него действовать подобным образом! Напрашивается вывод о том, что мотивировка окружного суда г. Хельсинки, хотя и, возможно, относимая, не может считаться достаточной в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

11. Обращаясь к *третьему критерию из дела Штоля, поведению журналиста*, следует напомнить относимые факты по этому делу. *Во-первых*, не оспаривается, что заявитель не принимал прямого или активного участия в демонстрации. Он был задержан за неповиновение распоряжению сотрудников полиции разойтись, когда полиция решила вступить в противостояние с последними оставшимися участниками в оцепленной зоне, а не за беспорядки или иное насильственное поведение. *Во-вторых*, как правильно отметило большинство (см. § 98 настоящего Постановления), заявителя было непросто опознать в качестве журналиста до его задержания. *В-третьих*, тем не менее, из материалов предварительного расследования следует, как признано в Постановлении Европейского Суда (см. § 99), что заявитель назвался сотруднику полиции, который осуществлял задержание. Когда сотрудник поли-

ции потребовал подтверждения, заявитель предъявил журналистское удостоверение.

12. Как я указал вначале, я признаю, что полиция первоначально имела основания для задержания заявителя в конце демонстрации, поскольку он не показывал свое журналистское удостоверение на видном месте и носил одежду, которая не отличала его от протестующих. Однако обязанность властей Финляндии доказать наличие настоятельной общественной необходимости для вмешательства в права заявителя, предусмотренные статьей 10 Конвенции, на этом не исчерпывается, поскольку заявитель впоследствии подвергся другим ограничительным мерам, даже если полиция хорошо сознавала, что заявитель являлся журналист, что подтверждено показаниями сотрудника полиции, который осуществлял задержание. Именно в данном контексте правильная квалификация поведения заявителя во время демонстрации становится решающей. В этом отношении достойно внимания, что большинство, по-видимому, оценивало ряд важных фактов, относящихся к происшествию, поведение заявителя и его настрой ему в ущерб, хотя другие возможные объяснений действий заявителя являются в равной степени вероятными (см., например, §§ 100, 101, 103 и 107 настоящего Постановления). Подчеркиваю, что совершенно ясно, что, если журналист нарушает уголовное законодательство прямым и активным участием во враждебной или насильственной демонстрации, статья 10 Конвенции в принципе не предусматривает безопасную гавань от таких мер, как заключение под стражу и возможное преследование. Однако это явно был не тот случай. В середине напряженной и развивающейся ситуации заявитель принял субъективное решение о том, что его свобода распространения информации в обществе должна перевешивать обязанность подчиниться требованию разойтись. Следовательно, окружной суд г. Хельсинки правильно квалифицировал действия заявителя как простительные. Действительно, как отметило большинство судей, журналист, конечно, должен сознавать, что он принимает риск подвергнуться правовым санкциям за неповиновение полиции (см. § 110 настоящего Постановления). Тем не менее большинство судей пренебрегло решающим значением признания в то же время того, что журналист может оправданно полагать, что его действия защищены на основе его свободы выражения мнения. В свете поведения заявителя власти Финляндии, таким образом, не доказали, что после того, как полиция была осведомлена о его журналистском статусе и ей предъявили его журналистское удостоверение, все-таки сохранялась настоятельная общественная необходимость, которая оправдывала применение к нему 17,5 часов содержания под стражей, изъятие всего его журналистского оборудования, преследование и осуждение за неповиновение полиции.

Наконец, что касается *четвертого критерия из дела Штоля*, а именно *была ли примененная санкция пропорциональной*, большинство ограничилось выводом о том, что «осуждение заявителя составляло лишь формальный вывод о совершенном им преступлении и в качестве такового едва ли могло иметь, если имело, какой-либо “сдерживающий эффект”... для работы журналистов в целом» (см. § 113 настоящего Постановления). При всем надлежащем почтении полагать, что решение о преследовании и осуждении журналиста за уголовное преступление в таком деле, как настоящее, не оказывает сдерживающего влияния на журналистскую деятельность, слишком упрощенно и необоснованно. Напротив, на мой взгляд, не является неразумным считать, что сегодняшнее решение, признавшее допустимым в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции преследование заявителя и его осуждение за уголовное преступление, будет иметь существенный сдерживающий эффект на журналистскую деятельность в подобных ситуациях, случающихся постоянно по всей Европе.

13. Таким образом, применяя *критерий из дела Штоля* при рассмотрении того, оправдывали ли действия заявителя, хотя бы и преступные согласно внутригосударственному законодательству, длящееся и развивающееся вмешательство в его свободу выражения мнения в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции, я заключаю, что власти Финляндии не доказали, что настоятельная общественная необходимость существовала для этой цели незамедлительно после того, как полиция была осведомлена о журналистском статусе заявителя. Я отмечаю, что, по крайней

мере, необоснованна попытка большинства судей ограничить свои выводы «особыми обстоятельствами настоящего дела» (см. § 114 настоящего Постановления). Напротив, вполне ясно, что мотивировка большинства, к сожалению, предоставит Договаривающимся Сторонам значительную свободу в применении интрузивных мер по поводу журналистской деятельности в общественных местах, где должностные лица правоохранительных органов применяют силу.

IV

14. Настоящее Постановление Большой Палаты представляет собой упущенную возможность для укрепления Европейским Судом в соответствии с его последовательной прецедентной практикой особого характера и значимости прессы в обеспечении прозрачности и ответственности при осуществлении властных полномочий путем поддержания прав журналистов за наблюдением за публичными демонстрациями или иными мероприятиями, предусмотренными статьей 11 Конвенции, эффективно и беспрепятственно, если они не принимают прямое и активное участие в столкновениях. Недавние события во многих европейских странах показывают больше, чем когда-либо, необходимость обеспечения фундаментальной роли прессы в получении и распространении публичной информации обо всех аспектах правительственной деятельности. Таков, в конце концов, один из ключевых элементов демократического идеала, защищаемого Европейской конвенции о защите прав человека.